

«В главном — единство, в спорном — свобода, во всем — любовь»

Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ НОВОСИБИРСКОЙ ЕПАРХИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

выпуск 16

2/2010

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Новосибирского и Бердского

Отцы и дети

Отцы и дети

Беседа с протоиереем Борисом Пивоваровым, председателем Отдела образования Новосибирской епархии

Что Вы можете сказать о духовно-нравственных проблемах во взаимоотношениях между взрослыми людьми и молодежью?

— Есть такие представители старшего поколения, которые только ропщут, глядя на поведение современной молодежи. Но есть и такие люди, которые стараются смотреть на жизнь детей и молодежи, на их проблемы с духовной точки зрения.

Однако, в любом случае, мы, люди старшего поколения, из поведения детей и молодежи должны извлекать уроки прежде всего для самих себя.

Почему? Да потому что у молодости нет опыта, и родители, и старшие всегда в большей ответственности за детей, за младших, нежели наоборот. Когда люди старшего поколения видят, что молодежь в чем-то поступает не так, как хотелось бы им, то им нужно с покаянием обратить взор в свое собственное прошлое.

Говоря о взаимоотношениях между старшим и молодым поколениями, следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство.

Когда люди старшего поколения, например, православные родители, православные педагоги, священнослужители Церкви Православной, хотят дать молодежи образ жизни христианской, позаботиться об их душе, об их спасении — они это делают так, как умеют, то есть в меру своих способностей и возможностей. Но у молодежи, у детей старшего возраста очень часто возникает мнение, что родители, наставники чего-то ждут, чего-то хотят, чего-то требуют от них, молодых, независимых (!) ради самих себя. И поэтому, как ответная реакция, у молодых людей часто возникает вопрос: «А почему мы, молодые, должны поступать так, как считают взрослые? Почему мы должны говорить или делать все так, как им хочется? Почему?!»

В этой проблеме есть очень серьезный аспект. Если молодые люди не почувствуют, что старшие наставники хотят от них мыслей и поступков не ради них самих, взрос-

лых, а ради спасения детей, ради спасения молодежи, то весь процесс воспитания будет напрасным.

А как достичь понимания молодыми людьми, что за наставлениями родителей, взрослых стоит не желание подчинить их своей воле, не стремление старших построить их жизнь по своему образу и подобию, а желание показать им красоту духовной жизни, красоту заповедей Божиих? Как дать им почувствовать цель и смысл жизни человека? В этом и состоит одна из самых главных проблем современной педагогики, нынешнего воспитания.

И еще дети могут нам сказать: «Вы, взрослые, сами-то, какие христиане?» И если получается, что у нас самих ничего духовного нет, то мы и молодых ничему научить не можем. Мы, конечно, можем указать на высокую добродетель, но послушайте, что говорил в своем Третьем слове Святитель Григорий Богослов:

«Бояться должно, чтобы нам не оказаться худыми живописцами чудной добродетели, особенно же негодным подлинником для других живописцев, может быть и не худых, но многих, или чтобы нам не подойти под пословицу: беремся лечить других, а сами покрыты струпами».

Следовательно, коль скоро мы — худые живописцы чудной добродетели, то начинать нам, взрослым, конечно, нужно прежде всего с самих себя.

Если же православные юноши и девушки почувствуют, что за нашими советами, наставлениями, предостережениями стоит не желание выстроить их по нашему образу и подобию, а обратить их к жизни по Закону Господню, по заповедям Божиим, тогда воспитание будет более плодотворным.

Когда этого нет, тогда все дело воспитания претыхается. В ответ на наши пожелания, требования выстраивается оппозиция: «А почему мы должны быть такими, как вы хотите?» Между тем мир ежедневно, ежеминутно так завлекает сердце! Там, в миру призрачной свободы, можно все, что хочешь, делать. И попадает молодежь в ловушку, где все *навеванные извне соблазны*

воспринимаются как свои собственные желания. У меня, — говорит ребенок, — свой взгляд на мир.

А на самом деле этот взгляд совсем не *свой*, не собственный взгляд на вещи. Молодому человеку, зачарованному виртуальной реальностью, кажется, что *свой*, потому что он противоположен тому, что ему говорят родители и взрослые. Поэтому во взаимоотношениях между молодыми и взрослыми должно быть понимание и с той и с другой стороны. Но родители несут большую ответственность. Чем меньше ребенок, тем большая ответственность родителей, старших. Чем старше становится ребенок, тем большая ответственность на нем самом. Однако взаимная духовно-нравственная ответственность между отцами и детьми, между старшим поколением и молодежью остается всегда.

Что делать?

Прежде всего — молиться. Если родители усердно будут молиться о своих детях, воспитатели — о своих воспитанниках, а молодые люди научиться молиться о своих родителях и воспитателях, то дело воспитания может сдвинуться с мертвой точки. Молитва — царица добродетелей, — учит Святитель Иоанн Златоуст.

Есть проблемы, которые признаны вечными для каждого человека и для всего человечества. Одна из них — проблема «отцов и детей». Историки утверждают, что еще на заре письменной эры встречаются надписи, где отцы сетуют на непослушание и дурные нравы детей. Современные психологи в один голос утверждают, что неизбежен бунт детей против отцов и так было всегда. Это не так, уверяют этнографы, еще лет сто назад в традиционной крестьянской семье, а таких в России было большинство, никто и слыхом не слыхал о подобном. «Почитай отца своего и мать свою» — не устаёт напоминать своим чадам Православная церковь. Так кто же прав, недоумевают современные родители. В этом номере, дорогие читатели, мы попытались разобраться в реальных проблемах разных поколений в современном обществе, и посвятили его теме: «Отцы и дети».

При всем разнообразии воспитательных подходов одно казалось неизменным всем: родители имеют право воспитывать своих детей. Но, оказывается, есть люди, которые считают, что они лучше знают, что хорошо, а что плохо для наших детей. Ювенальная юстиция — что она несет в наши семьи? Об этом статья «Ювенилище» в рубрике «Актуальная тема». В продолжение в этой же рубрике — о том, как можно лишить родителей и детей возможности изучать основы православной культуры. Страшные последствия отрыва детей от родителей, забвения своих корней — в рубрике «Живая история», которая представлена статьей «Янычары — отнятые мальчики».

Само название проблемы в русском обществе появилось после романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Размышления об этом про-

изведении и не только о нем — в рубрике «Наше наследие». Рубрика «Ваше мнение» представлена статьей-размышлением о том, что такое советы — благо или источник конфликтов и непониманий.

Как жить под одной крышей нескольким поколениям современной семьи? Можно ли ужиться со свекровью? Об этом и многом другом — статья в новой рубрике «Житейские истории». Проблемы и радости, печали и заботы большой семьи в современном мире — об этом расскажет статья в рубрике «Радость многочадия».

И все же, почему люди не понимают друг друга, почему отталкивают того, кому могли бы помочь? Мы часто говорим, что любим другого человека, но так ли это? Что такое настоящая любовь, может ли она быть вечной, как научится такой любви? Об этом размышления в статье «Бог есть любовь».

Не растет дерево без корня, не может и человек жить, не зная, откуда он, кто его предки. Рассказ о генеалогии с практическими советами, как построить своё генеалогическое древо — в рубрике «Наше достояние» в статье молодого автора «С чего начинается Родина».

Юные читатели вновь встретятся с героями повести «Молитва матери», прочитают сказку, а для самых маленьких — стихи и небольшая сказка о колобке на новый лад, которую написал молодой автор.

Можно ли научиться чему-нибудь у собственных детей? Об этом — размышления молодого отца.

Зачем нам родители? В кратких интервью детей разных поколений много неожиданного.

Читателей ждут литературные странички, а для домашних умельцев — интересная идея, как сделать кресло-гамак, на радость всем домочадцам.

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Новосибирского и Бердского

ПРАВОСЛАВНАЯ СЕМЬЯ

выпуск 16
2/2010

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Актуальная тема	
Ювенилище	4
Как нас выбирают	7
Живая история	
Янычары — отнятые мальчики	8
Наше наследие	
«Отцы и дети» — классика и современность	10
Ваше мнение	
Как слово наше отзовется, или Кому нужны советы	12
Радость многочадия	
Мы и наши дети	14
Житейские истории	
«Совет даю, а воли не отнимаю»	16
Размышления о вечном	
Бог есть любовь	18
Наше достояние	
С чего начинается Родина?	20
Колокольчики	
Рассказы старого колокола	22
Стихи для самых маленьких	25
Сказка	26
Чему нас учат дети	28
Интервью	
Зачем нам родители	30
Литературные странички	
Кулич	31
Православные умельцы	
Подвесное кресло-гамак	35

Просим молитв о здравии рабов Божиих: Вячеслава, Ксении, мл. Иоанна, мл. Василия, Дионисия, Наталии, отр. Елены, отр. Гордея, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно. Приглашаем к сотрудничеству людей, занимающихся фотографией, пишущих стихи и прозу, рисующих. Желающие получать наше издание по почте наложенным платежом могут позвонить по телефонам редакции. Просим не использовать журнал в хозяйственных целях. Если он стал вам не нужен — принесите его в храм или подарите другим людям.

Главный редактор: иерей Дионисий Михалев.

Редактор: Лютина Ю.В.

Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В.

Рецензент: протоиерей Виталий Бочкарев.

Тел.: (383) 348-53-70, 308-75-03. **E-mail:** serg774@yandex.ru. **Веб-сайт:** family.orthodoxy.ru

Отпечатано в типографии «Хромопринт». Тираж 998 экз.

Журнал «Православная семья», издание Новосибирской епархии Русской православной церкви. Подготовлен прихожанами прихода в честь иконы Божией Матери «Казанская» п. Краснообск. Издается на пожертвования. Журнал можно приобрести на Епархиальном складе и в лавках прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская»: киоск по ул. Б. Богаткова, у дома № 208; киоск по ул. Геодезическая, 8 (НГТУ, ст. метро «Студенческая»); вестибюль ст. метро «Площадь Маркса» (выход на ул. Ватутина); в Сергиево-Казанском храме п. Краснообск (ост. «Торговый центр»).

Вдруг из подворотни
 Страшный великан,
 Рыжий и усатый
 Та-ра-кан!
 Таракан, Таракан, Тараканище!

...
 Покорилися звери усатому.
 (Чтоб ему провалиться,
 проклятому!)
 А он между ними похаживает,
 Золоченое брюхо поглаживает:
 «Принесите-ка мне, звери,
 ваших детушек,
 Я сегодня их за ужином
 скушаю!»

Корней Чуковский

Ювенальная юстиция — раздел законодательства и сеть специальных учреждений, которые теоретически будут предназначены для наилучшего обеспечения прав детей. В ювенальной юстиции можно усмотреть, несколько упрощая, два направления — работа с несовершеннолетними правонарушителями и защита прав ребенка. Если говорить о юных правонарушителях, то с тем, что их дела надо рассматривать отдельно, можно было бы и согласиться — юного воришку, возможно, разумнее попытаться исправить, чем отправлять в тюрьму, где он окажется под влиянием более опытных преступников. Существует, однако, опасность, что готовность представителей ювенальной юстиции выступить на защиту юного преступника может вызвать чувство безнаказанности и поощрить его к новым безобразиям.

Но главная проблема, связанная с ювенальной юстицией, это те возможности, которые у нее будут для вмешательства в жизнь семьи.

В самом деле, от кого предполагается защищать права ребенка? Прежде всего, конечно от родителей.

Что в первую очередь бросается в глаза при знакомстве с этим явлением, так это глобальность задач, которые ставят перед собой проводники нововведений и основательность построения грядущей системы. Сразу чувствуешь мощь, которая напирает на тебя. Приведем лишь самое начало из проекта закона «Об основах системы ювенальной юстиции»:

«Статья 2. Понятие системы ювенальной юстиции

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ

Под системой ювенальной юстиции понимается совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, должностных лиц, неправительственных некоммерческих организаций, осуществляющих на основе установленных законом процедур действия, нацеленные на реализацию и обеспечение прав, свобод и законных интересов ребёнка (несовершеннолетнего).

В рамках системы ювенальной юстиции осуществляются программы, проекты и мероприятия социального, педагогического, юридического, психологического и медицинского характера, направленные на профилактику и реабилитацию ребёнка (несовершеннолетнего)».

На первый взгляд всё кажется правильным, но почему же тогда звучат протесты православной, родительской, педагогической общественности? Свою озабоченность всё чаще высказывают священники и архиереи.

«Ювенальная юстиция — это проблема, которая вскоре встанет перед нашим обществом в полный рост. Скорее всего нам придется, как это у нас часто бывает, изо всех сил бороться с тем, что мы просмотрели и что допустили из-за своего нерадения. Действительно, в западных странах, благодаря действиям ювенальщиков, происходят самые абсурдные ситуации. В нашей стране, когда ювенальная юстиция начнет действовать в полной мере, можно ожидать еще более чудовищных вещей. Тем более, что занимаются этим люди явно идеологически ангажированные, которые по своему умонастроению лично мне напоминают сектантов: это люди, питающие какую-то органическую необъяснимую ненависть к семье как институту и традиционным семейным ценностям», — заявил, отвечая на вопросы посетителей Информационно-аналитического портала Саратовской епархии «Православие и современность», епископ Саратовский и Вольский Лонгин, рассуждая об опасности ювенальных технологий.

«Вдумайтесь, детям дают право подавать в суд на собственных родителей, — пишет митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор. — Таким образом, под предлогом защиты прав детей, в них воспитывают неуважение к тем, кто их родил и воспитал. Грех против пятой заповеди о почитании родителей возводится в юридическую норму. Ювенальная юсти-

ция ведет к разрушению здоровых семей, необоснованному увеличению социального сиротства (детей-сирот при живых родителях), направлена на подрыв традиционных семейных ценностей, провоцирует коррупцию и детско-подростковую преступность, отрицательно воспринимается обществом в целом, противоречит духовно-нравственным установкам традиционных религиозных конфессий России».

Чтобы лучше понять опасения наших соотечественников можно посмотреть практически на любую европейскую страну, где ювенальная юстиция действует уже много лет, где механизм отъема детей доведен до совершенства.

Свидетельство тому — вполне реальная история (одна из многих, весьма типичная!), произошедшая в Голландии и описанная в книге «Пастернак против Нидерландов». Однофамилец поэта в начале 1990-х покинул родную Одессу и уехал с семьей в эмиграцию. Когда его дочери исполнилось 14 лет, она попала под влияние более «продвинутой» подруги, сдала в учебе, начала прогуливать школу, требовать денег. И хотя родители почти ни в чем ее не ограничивали (например, Ирина совершенно не помогала по хозяйству) и даже чрезмерно баловали, Ирине хотелось еще большей свободы. Она начала жаловаться в инспекцию по делам несовершеннолетних. Ее там, естественно, поддержали. Вот она, приоритетность прав ребенка в действии!

И когда отец вопиющим образом «нарушил права» Ирины, попытавшись ваткой стереть с ее лица чересчур, на его взгляд, вульгарную косметику, ее укрыли от «жестокости обращения» в приюте. Когда же родители попытались вернуть дочку, их лишили родительских прав. Пастернаки обращались во всевозможные инстанции, дошли до голландской королевы и Европейского суда. Всего ими было написано порядка 60 жалоб. Результат был всегда один и тот же — нулевой. «Всех, кому мы отправляли факсы и письма, — свидетельствует Г. Пастернак, — мы просили о встрече, чтобы подробнее рассказать и показать факты беззакония. Но инстанции вновь и вновь писали нам стандартные ответы, а все наши жалобы пересылались тем, на кого мы жаловались — и все оставалось по-прежнему». Спасло ситуацию только то, что примерно через год Ирина вернулась домой сама. Если бы не это, родители не увидели бы ее как минимум до совершеннолетия. Некоторые колоритные

подробности лучше дать в изложении самого автора.

«Нам было сказано, — вспоминает Г. Пастернак, — что нас приглашают на беседу в отделение полиции по работе с подростками... Мы, довольные, буквально побежали на эту встречу, надеясь на то, что сейчас все закончится, но в этом отделении нас ждал заранее подготовленный сюрприз. Нам встретили двое полицейских: Ханс Кромдайк и Ес Еммерих. Мы им подробно рассказали о случившемся и показали документы. В ответ они начали нам угрожать и сказали, что дочери у нас опасно находиться, вы, мол, угрожали дочери, потому она и убежала, и вы должны честно в этом признаться. Тогда я объяснил Кромдайку, что мы хотим сделать заявление на работников Комиссии о подаче ложных сведений судье. В ответ мне: „Заткни пасть, иначе вообще выгоню. По закону ты никто, только биологический отец“. Ольга на это сказала, что мы можем высказывать свое мнение. И она как мать, и я как отец. Кромдайк с схишной улыбкой ответил, что здесь, в бюро, им нельзя указывать, что и кто может. Второй полицейский сначала молчал. А потом вдруг тоже стал кричать и угрожать: „Будете много выступать — и второго ребенка заберем“».

Люди в платьях судей лишают родителей детей, а детей — родителей. Эти организации ссорят семьи, вместо того чтобы их мирить, как декларируется в брошюрах. Детей отнимают либо у иностранцев — их используют как дармовую рабочую силу, либо у богатых голландцев — из них можно сосать деньги. И лишают их этих денег. Они уходят на переписку, на адвокатов, на содержание детей в приютах. И родителей попросту раздевают: те остаются без средств, но детей они до 18-летия так и не видят. А после 18-летия эти дети, завидев родителей, просто убегают от них.

«Ира, когда вернулась домой, много рассказывала о том, как жила в приютах, — пишет Г. Пастернак. — Она была недовольна этой жизнью. Сказала, что попала на рекламу, считала, что там будет действительно так хорошо, как обещали. А обещали, что будет много лучше, чем дома. Живешь, мол, сам себе хозяин: никто не зудит, не говорит, что хорошо, что плохо. Квартира — своя, денег дают на еду и на развлечения. Хочешь — учишься, хочешь — работай. А можешь вообще ничего не делать». Разве трудно соблазнить таким заманчивым предложением юное сердце?

А на деле? Одна большая ложь. И попытки всеми способами не допустить возвращения «реквизированного» ребенка в семью.

Когда Ирина вернулась домой, опекуна позвонила и сказала ей: «Что ты наделала? Как теперь быть с твоим дальнейшим переселением от родителей?»

В книге дан краткий, но емкий портрет человека, который пытается воспитывать родителей: «Однажды... когда мы в очередной раз были в полиции, полицейский уговаривал меня, чтобы я не слишком реагировал на странное поведение дочери. На то, что она обратилась в Инспекцию. Говорил, что это просто такой возраст. Переходный подростковый возраст. У него, мол, самого дочь тоже курит, красится и принимает наркотики. Что ничего страшного. Потом пройдет. Просто в 14–15 лет все девочки становятся стервами. Ты, мол, плохо знаешь свою дочь и не умеешь ей доверять. Будто бы он своим „доверием“ воспитал образец для подражания».

В человеческом уме не укладывается вопрос, зачем всё это? Очень интересную версию ответа можно увидеть на одном из новосибирских родительских интернет-форумов:

«Цель внедрения ювенальной юстиции в России (как и в других странах) понятна любому здравомыслящему человеку: государство стремится монополизировать процесс воспитания подрастающего поколения в своих руках на 100%. Оно не заинтересовано в существовании альтернативных социальных институтов, могущих влиять на воспитание детей (мало ли кого там «навоспитают» эти родители). Роддома, детсады, школы, вузы, медучреждения, телевидение, радио, вообще все СМИ и иные структуры, которые влияют на воспитание, а по сути уже воспитывают в наши дни наших детей, полностью контролируются государством. Последняя структура, где отсутствует тотальный контроль и влияние государства — это Семья. Через принятие закона о ювенальной юстиции роль семьи будет постепенно низведена к биологической функции производства на свет новых биологических единиц, их выкармливание, а воспитание детей будет исключительно делом государства или это будет делегировано биологическим родителям под полным контролем и по программе государственных структур (такая человеческая мини-ферма на дому). Любое отступление со стороны родителей от системы воспитания принятой государством будет караться штрафами, условными сроками и т. д., а так же отбором детей из семей. Конечно, нам будут преподносить эту ЮЮ как просто заботу о детях и защиту их прав, как работу по предотвращению и снижению детской преступности. Да, действительно, ЮЮ будет заниматься и детской преступностью, детскими правонарушениями. Но эта сторона, эта часть ЮЮ, нужна лишь для того, чтобы протащить другую ее часть, ради которой все и затеяно, которая сможет в итоге уничтожить в этой стране институт семьи как таковой. Без той части, протащить этот закон было бы невозможно. Это такая хитрость «юридическая». Главное в ЮЮ не детская преступность, главное в ЮЮ — возможность узаконенного уничтожения влияния семьи на воспитание детей... «Разделяй и властвуй». Все мы знаем этот лозунг. Последнее, что осталось разделить тем, кто нами управляет — это разделить «отцов и детей». Если мы перейдем эту черту — у нас не будет будущего. Это не просто очередной закон, это стремление превратить семью просто в человеческую мини-ферму по производству и выкармливанию биороботов».

Неужели всё так и есть?

Ну как здесь не вспомнить «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»:

«Семья, как домашняя церковь, есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви... Именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Поэтому столь опасно разрушение традиционных связей родителей с детьми, которому, к сожалению, во многом способствует уклад жизни современного общества.

По учению Церкви, сама власть также не вправе асболютизировать себя, расширяя свои границы до полной автономии от Бога и установленного Им порядка вещей, что может привести к злоупотреблениям властью и даже к обожествлению властителей. Государство, как и иные человеческие учреждения, пусть даже и направленные на благо, может иметь тенденцию к превращению в самодовлеющий институт. Многочисленные исторические примеры такого превращения показывают, что в этом случае государство теряет свое подлинное предназначение...

Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должному рассмотрению вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению».

Время пришло?

Юрий Тухобаев

КАК ЗА НАС «ВЫБИРАЮТ»

1 апреля в российских школах для учеников 4 и 5 классов началось преподавание «Основ религиозных культур и светской этики». Новый школьный предмет будет преподаваться в нескольких регионах, в том числе Новосибирской области. Курс состоит из 6 модулей: православие, ислам, буддизм, иудаизм, история мировых религий, светская этика. Родителям предоставлено право выбора одного из них для своего ребенка, причем индивидуально для каждого.

Как сообщает «Российская газета», 181 тысяча родителей выбрали курсы Основ светской этики и Основ мировых религиозных культур. Отдельные программы Православия, ислама, буддизма и иудаизма — выбрали соответственно 83, 37, 14 и 12 тысяч семей.

Это событие прокомментировал сайту molgvardia.ru профессор Московской Духовной Академии, автор учебного пособия по «Основам православной культуры» протоиерей Андрей Кураев.

«Формально, на бумаге все оптимально. Идет массовая имитация выбора курса родителями, но на самом деле происходит мухлеж. Директора школ просто не сообщают родителям о том, что есть 6 возможностей. Им говорят, что выбор есть, и тут же добавляют: но наша школа будет получать только один учебник», — по-

яснил отец Андрей. Однако, сообщил он, это неправда, «потому что любое количество учебников оплачивается из федерального бюджета». «Или родителям говорят о том, что в школе нет специалистов по религиям. Но, опять же, это не проблема, потому что они готовятся. Минобробразование должно обеспечить их подготовку. Т.е. директорам школ, конечно же, легче ввести один курс для всего класса, чем несколько параллельных курсов для одного и того же класса. Легче составлять расписание, и стоит это меньше денег. Плюс ко всему этому въевшийся в костный мозг атеизм тоже дает о себе знать. Поэтому мухлеж с выбором совершенно откровенный. Ярким примером является Пензенская область, где вообще никому не разрешили избрать основы православной культуры, равно как и основы исламской культуры. Понятно, что мы имеем однозначное жесткое административное давление. Даже в Чечне и то несколько сотен детей будут изучать основы Православия», — сказал отец Андрей.

Отец Андрей также представил вниманию журналистов макет учебника с купированным фрагментом текста как результат цензуры чиновников. «Купированный урок» — это был вводный урок, на котором излагалось христианское представление о Боге, в рецензии РАН был назван лучшим во всем учебнике; и это «в

последнюю минуту было вырезано» под предлогом, что «урок противоречит Конституции», рассказал протоиерей. В связи с этим он обратился к министру юстиции России Александру Коновалову, а тот — к автору Конституции Сергею Шахраю, и получил официальный ответ, который также был представлен журналистам. В нем, в частности, говорится: «Анализ текста урока № 3 «Отношения Бога и человека в Православии» позволяет сделать вывод об отсутствии в исследуемом тексте учебника противоречий Конституции России и установленному ею светскому характеру государства».

Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл выразил удивление тем фактом, что в Пензе все 100% школьников выбрали для изучения светскую этику. Он заявил, что на родителей учеников, очевидно, оказывали давление местные власти. Если брать Пензу, то там служит 200 священников. Неужели они тоже выбрали для своих детей светскую этику, высказал сомнение Патриарх. «Видимо, организаторы этой подтасовки не подумали, что хоть какой-то процент надо было оставить, чтобы убедить людей в добровольности. Не додумались», — сказал Патриарх на встрече с губернаторами и архиереями Уральского федерального округа в Челябинске.

17 апреля в Екатеринбурге во дворце игровых видов спорта «Уралочка» состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с общественностью Уральского федерального округа. Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к собравшимся с первосвятительским словом, после чего ответил на ряд вопросов аудитории, в том числе о проблеме введения «Основ православной культуры». По словам Патриарха, он глубоко разочарован тем, как сегодня избирается этот курс. «Мне на стол ложится информация о том, как местные власти оказывают давление на директоров школ, чтобы те, в свою очередь, оказывали давление на родителей — для того чтобы избирался курс светской этики», — выразил недоумение Его Святейшество. «Не надо в очередной раз наступать на те же грабли. Нужно дать детям и родителям возможность свободного выбора. Никакого страха нет, потому что, несмотря на наличие разных учебников, мы формируем одну систему ценностей. Но когда происходит насилие над убеждениями людей, когда родителей пугают даже на уровне директоров школ: «Если ты избереешь Православие, то имей в виду...» — вот это очень плохо».

На наших глазах происходит профанация родительского выбора, и цель враждебно настроенных к Церкви чиновников, очевидно, одна: занизить в глазах массового сознания авторитет православия в народе.

Во все времена находились желающие воспитывать чужих детей в своих собственных интересах. Порою это стремление оформлялось в целую технологию по «перекраиванию» юных душ. Когда за дело бралась государственная машина, тогда было возможно всё: и измена своей вере и ненависть к кровным родителям.

Янычары

ОТНЯТЫЕ МАЛЬЧИКИ

Их называли «львами ислама». Янычары. При их имени трепетали правители Европы, Азии, Африки. Они были яростными, жестокими, упорными и неподатливыми. Это была лучшая в мире профессиональная пехота. Янычары называли себя «рукой и крылом Османской династии». После битвы на Балканах на Косовом поле в 1389 году и сокрушительного разгрома крестоносцев под Никополем в 1396-м, где погибло множество французов, итальянцев, англичан, испанцев, чехов, весть о грозном войске разнеслась по всей Европе. 29 мая 1453 года янычары первыми ворвались в Константинополь. Европейцы были потрясены рассказами о ярости и непобедимости каких-то новых османских войск, набранных из христиан и воспитанных в «турецком» духе.

Девширме — налог кровью, то есть набор детей в янычары был одной из наиболее тяжелых повинностей немусульманского населения империи, поскольку позволял властям отобрать и включить на службу наиболее физически и интеллектуально развитых юношей, тем самым ослабив покоренные народы. Отбор десятой части молодого христианского населения происходил точно так же, как собиралась десятина на сельскохозяйственные продукты и скот. Обычно это делалось раз в три или пять лет, однако имели место и ежегодные сборы. У родителей отбирали мальчиков от 8 до 15 лет, но очень часто это правило нарушалось: забирали даже пятилетних малышей. Можно представить, что приходилось пережить этим мальчишкам, оторванным от своих семей, от своего народа, как калечились их души и ожесточались их сердца, прежде чем они превращались во «львов ислама». Сражаться с христианами руками их же детей... Современники были поражены подобной жестокостью и цинизмом.

Всех отобранных мальчиков отправляли в Стамбул, подвергали обрезанию и обращали в ислам. Затем в присутствии султана происходили «смотрины». Самых способных и физически крепких зачисляли в школу пажей, которая была кузницей кадров для дворцовых служб, государственной администрации и конного войска. Большую же часть детей выделяли для янычарского корпуса. На первом этапе их посылали для воспитания в

приемные семьи турецких крестьян и ремесленников. Здесь они должны были забыть свою родину, свое происхождение и в совершенстве овладеть турецким языком, чему в немалой степени способствовало их обучение в религиозном мусульманском духе фанатичными дервишами и ходжами. Через несколько лет их возвращали в Стамбул и зачисляли в состав ачеми оглан («неопытные юноши») — подготовительный отряд янычарского корпуса. Эта стадия обучения продолжалась семь лет и состояла из военной подготовки и тяжелых физических работ для государственных нужд; ачеми оглан жили в казармах подразделениями по двадцать-тридцать человек, подчинялись суровой дисциплине и получали небольшое денежное содержание. Они не покидали пределов Стамбула и не участвовали в военных действиях. В них воспитывались исламский фанатизм, абсолютная преданность султану, слепое повиновение командирам; всякие проявления свободы и индивидуальность строго наказывались. Выход своей энергии они давали во время религиозных праздников, когда совершали насилия против стамбульских христиан и иудеев; на эти эксцессы их командиры смотрели сквозь пальцы. По достижении двадцати пяти лет наиболее физически крепкие ачеми оглан, доказавшие свое умение в совершенстве обращаться с оружием, становились янычарами.

А далее — постоянное совершенствование военного мастерства, походы и битвы, служба в крепостях, а кому повезёт — при султанах.

Янычары охраняли его дворец (их казармы с этой целью выстроили неподалёку), следили за порядком в столице, обеспечивали безопасность иностранных посольств. Дисциплина у них была суровая: непереносимое проживание в казарме, ежевечерняя певичка, запрет жениться («женатый султану не слуга»), а также заниматься любым другим делом, кроме войны. Подчинение только своим офицерам, из которых главный — начальник корпуса ага. Ага в свою очередь отвечает только перед султаном, да и каждый янычар знает, что после Аллаха у него один хозяин — султан, и родина у него тоже одна — корпус. Султан кормит, одевает и вооружает янычара, платит

ему жалованье, делает подарки, особенно — при восшествии на престол.

Важнейший символ корпуса — котёл, европейцы даже полагали, что он у янычар вместо знамени. Котёл проносят по улицам в праздничные дни, а в знак недовольства или начала мятежа перевёртывают его.

Основное подразделение корпуса называлось чаще всего «ода», то есть буквально «комната» — украшенное изразцами помещение, где подразделение принимало пищу, а сам корпус по-турецки — оджак или очаг. Как и в русском языке, слово «очаг» обозначало не только устройство для поддержания огня, но и средоточие близких, «дом», «семью» — этот смысл, несомненно, вкладывался и в название янычарского войска.

Поначалу, на рубеже XIV–XV веков янычар насчитывалось около десяти тысяч, а затем их число значительно увеличилось — до 50 тысяч и выше в XVII столетии. Это были войска отборные. Их привлекали в случае крупных походов и использовали только в решающих схватках. В крымские крепости, чтобы вассальные татарские ханы не забывали о своей покорности султану, в гарнизоны, размещённые на территории арабских и других подчинённых стран, их направляли по несколько десятков, не более — в основном для наблюдения за порядком; у янычар же хранились ключи от крепостей.

Янычары с самого начала были тесно связаны с суфийским орденом Бекташи. Суфизм — мистическое направление в исламе, последователи которого прославились своим аскетизмом, смелыми религиозными суждениями и духовными практиками. Мусульмане-сунниты, чьи взгляды господствовали в Османской империи, не без основания считали многих суфийских учителей вероотступниками. Легенда сообщает, что сам глава ордена Бекташи, Тимурташ Деде, со словами: «Да будет их мужество всегда блистательным, их меч острым, их руки победоносными», — благословил янычарский корпус на подвиги. А рукав рубахи, которым он накрыл голову первому воину, стал прообразом ниспадающего вниз головного убора у янычаров. Суфии-бекташи постоянно находились в корпусе: они делили с солдатами тяготы походной жизни, напутствовали их перед боем.

Чем же учение приверженцев этого ордена, основанного Хаджи Бекташем (1208–1270), так привлекало янычар? Наверное, прославившиеся своей свирепостью воины нашли в нем что-то, заполнявшее душевную пустоту после расставания с отчим домом. К тому же воинам было легче усваивать ислам в более доступной, упрощённой с обрядовой точки зрения форме. А именно это и предлагал солдатам орден Бекташи. «Новое войско» нашло в учении Бекташи свою идеологию, а орден благодаря корпусу успешно просуществовал в Турции до XIX века.

В середине XVI века янычары получили право обзаводиться семьями и поселяться в провинциальных районах. С тех пор их роль в жизни местного населения коренным образом изменилась. Большинство их стало яркими противниками всякого свободолюбия и сопротивления, всячески подавляя любые попытки проявления этих качеств. Иные, поселившись в родных местах, заставили принять мусульманство своих матерей, отцов, братьев и сестер.

Оказавшись на территории болгарских земель, янычары стали жениться на девушках-христианках, заставляя их принимать мусульманскую веру. И так как у янычар была принята полигамия, они, фактически, стали наиболее яркими распространителями ислама. Если, к примеру, на болгарских землях поселялось 50 тысяч янычар, то более ста тысяч христианских девушек были вынуждены принять ислам. А потомство этих бывших христиан говорило по-турецки и исповедовало мусульманскую веру.

История создания и существования янычарского корпуса наглядно всем нам показывает, как практически осуществлялся принцип «разделяй и властвуй» по отношению к христианской семье. Сегодня уже нет могучей османской империи и грозных султанов, однако испытанные античеловеческие технологии не дают покоя новым врагам христианства. Адепты глобализации по всему миру идут в атаку на традиционную семью, верно угадывая в ней нашу последнюю крепость.

Позволив однажды кому-либо вмешаться в воспитание наших детей, мы рискуем потерять не только их, но саму Родину и Святую Христову веру.

Юрий Тухобаев

«вечными» вопросами. Что же главное в этой книге, буквально взорвавшей образованное общество в момент своего появления?

Чтобы лучше разобраться в этом, для начала обратимся к истории России 60-х годов 19 века. Это — время грандиозных перемен, социальной ломки. Отмена крепостного права породила крушение веками складывающихся отношений — политических, правовых, имущественных, этических, даже бытовых. В очередной раз Россия «подымалась на дыбы». Одни видели впереди яркое и великое будущее родной страны, другим представлялся неизбежным близкий, трагический конец. Очень важно, что, в отличие от радикальных реформ предыдущих эпох и царствований, именно эта всерьез затронула всех жителей огромной империи, раскачала ее глубинные силы, коренным образом изменив жизнь основной массы населения — крестьян и тех, в ком видели опору государственного строя — дворян. Вечная проблема, решительно вынесенная в название романа, далеко не во все времена проявляется так резко. Но на переломе судьбы страны её трагическая острота неизбежна. История России доказывала нам это неоднократно. Противостояние поколений, с одной стороны, неизбежно для любой страны и эпохи, с другой оно вовсе не должно порождать тотального отрицания всего и вся последующим поколением. Переосмысление жизненного устоя и ценностей «отцов» «детьми» в большинстве случаев приводит к обновленному пониманию и приятию того смысла жизни, которое утвердилось в предшествующих поколениях. Резкие попытки сбросить груз накопленного характерны для «взрывоопасных» времен. Поколение «отцов» растерянно, то, что еще вчера было простым и понятным, сегодня уже далеко не бесспорно. Но и «детям» не легче. Когда тот, за кем ты привык себя ощущать, как за каменной стеной, растерян и дезориентирован, приходится спешно выбирать новый путь, не имея ни опыта, ни умения, ни знаний. Самое простое — решительно, не вникая глубоко в суть, отрицать решительно все.

Итак, перед нами, с одной стороны, два немолодых дворянина, «отца», два брата Кирсановы, с другой — студент-медик Базаров и молодая Кирсанов. Молодые люди с упоением разглагольствуют о пошлости и глупости отцовских идеалов, с удовольствием отрицая всё и вся. Правда, присмотревшись повнимательней, легко заметить, что мы имеем дело с замещением понятий. Аркадий жадно ловит каждое слово Базарова, живет его идеями без разбора, не имея на этот счет никакого соб-

«ОТЦЫ И ДЕТИ»

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Замечательный роман Тургенева все мы проходили в школе. Что осталось в памяти? В лучшем случае, смутное воспоминание о неизбежном конфликте между детьми и родителями, да еще новое слово «нигилист», как определение человека, отрицающего всё и вся. Да и возможно ли по-другому? Роман был предназначен для читающей, образованной взрослой публи-

ки девятнадцатого века, а его предлагают для изучения школьникам 13–14 лет. Хорошо еще, если педагог знает и любит русскую литературу не по обязанности, не будет навязывать стереотипных оценок, а вместе со школьниками, попытается самостоятельно осмыслить, что же написал Тургенев на самом деле. Роман, не очень большой по объему, буквально перенасыщен идеями, смыслами,

ственного мнения. Это не отношения дружеской привязанности, а, скорее, безрассудной веры. Базаров-то для него — не друг и приятель, он более похож на авторитетного отца, чьим расположением дорожат больше всего на свете. С точки зрения Аркадия Кирсанова, Евгений Базаров не может ошибаться, его мнение единственно авторитетно, истинно. Это уже напоминает отношение к божеству. Стоит заметить, что одной из сторон романа является трагизм безбожной личности. И это тоже имеет прямое отношение к проблеме «отцов» и «детей». Бесспорное для каждого верующего христианина отношение к Богу, как к любящему отцу, способно даже в самых трагических обстоятельствах дать сил выстоять, не склониться перед житейскими бурями. Если же такого отношения нет, то человеку свойственно искать замещения Бога, чаще всего поиски оборачиваются трагедией, когда на место совершенной Любви встает нечто или некто, малодостойное. Это — трагедия и самого Тургенева, который, не осознавая её, отразил суть в своем романе.

Молодой Кирсанов, с удовольствием на словах отрицая все отцовские идеалы, на деле вовсе не противостоит ему. Мы имеем дело с типичным бессознательным бунтом на бытовом уровне. Что-то в жизни «отцов» осознается, как заведомо неправильное, но как правильно, по-другому, «дитя» не знает. Пройдет время, страсти утихнут, и вчерашний бунтарь станет вполне добропорядочным человеком, зачастую повторяющим отцовский путь. Но не так развиваются события, если у молодого человека намечается четкая сознательная программа жизни, и она коренным образом будет отличаться от всего, что было создано «отцами». Тогда возникает идейное противостояние, которое завершается полным разрывом. Происходит разрушение связи поколений. Базаров — пример такого трагического конфликта. В романе прослеживается социальная природа противостояния поколений. Евгений Базаров отрицает не только и не столько опыт собственного отца, скромного лекаря, сколько противостоит чужому, малознакомому человеку: Павлу Петровичу Кирсанову и, в его лице, всему дворянству, как несостоявшимся «отцам» с неправильной системой ценностей. Тургеневу было неизвестно, чем завершится этот конфликт. Нам же хорошо известно, как яркие последователи первого нигилиста Базарова «до основания» разрушали ненавистный им мир «отцов». Видимо, осознав страшную разрушительную силу, заложенную в образе Базарова, автор, явно сочувствующий герою, обрекает его на раннюю и нелепую в своей случайности

смерть. Базаров подобен высокому дереву с подмытыми корнями — как бы не шумела мощная крона, но без крепкого корня она обречена на неизбежную и скорую гибель. А корень — в «отцах», в непрерывной связи поколений, в бережном сохранении и творческом преображении глубинных ценностей.

Аркадий быстро сошел с Хамового пути бунта. Он простил своему слабому, но доброму отцу, непониманию и обиды детства и отрочества, перехватил твердой рукой хорошие, но недоведенные до конца начинания и уверенно повел семейный корабль. У него есть младший брат, есть сын. Ему есть для кого жить. От Базарова же остался серый камень на могиле, да два неутешных старичка — родители. Умрут они — умрет и память о странном бунтаре.

Но все же проблема «отцов и детей» реально существует. Её причины кроются не только и не столько в социально-политических реалиях. Всё проще и одновременно сложнее. Причина в том, насколько мы умеем любить. Конфликт, как известно, имеет две стороны. Принято считать, что это дети не оказывают должного уважения к родителям, а они должны нас слушаться, должны любить, должны понимать, что мы хорошие и правильные, только очень устали, заняты, и нам некогда заниматься глупостями. Поэтому дитя должно стать таким, каким нам, родителям, желательно. А если не хочет, не может, не умеет, то само и виновато. Как часто с досадой смотрит отец-спортсмен на сына-тихоню: «Да я в твои годы первый разряд имел, а ты подтянуться не можешь!». Но сын не виноват, он просто другой. Он имеет право вырасти далеким от наших представлений о том, что важно для жизненного успеха. Как важно нам не раздражаться их непохожестью, а радоваться вместе с детьми их открытию мира! И незаметно, чуть-чуть, направлять, как направляют молодое деревце, чтобы рост не замедлился, не принял уродливые формы. Но это возможно, только если мы любим своих детей по-апостольски, не ища своего. Любим в Боге и с Богом. Поверьте, лучший способ избежать конфликта «отцов и детей» — искренне разделить интересы своего ребенка. Не стоит бояться, что при этом мы уроним себя в их глазах, занимаясь ерундой. Дети очень внимательно смотрят на родителей. Они видят и слышат не то, что мы с назиданием говорим им, а то, что происходит на самом деле. Можно сколь угодно красочно расписывать, как важно помогать ближним, но если родители равнодушны к чужой беде, они не смогут научить ребенка состраданию. Абстрактные призывы к трудолюбию ничего не изменят, если дети не видят живого и ра-

достного труда родителей. Иными словами, только то, что по-настоящему важно и дорого для родителей, способно произрасти добрыми плодами в душах детей. Когда человек любит, он делится самым дорогим. Для наших детей самое дорогое — мы, родители. Отмахнулись от маленького человечка сегодня, сочли его просьбу поиграть с ним слишком обременительной — получили проблему «отцов и детей» завтра. А последствия этой проблемы могут быть самые разрушительные.

Вернемся к роману. Почему все же Тургенев убивает своего героя? В свое время критики выдвигали различные версии, в основном, с социальных позиций. Автор не видит возможности действия для своего героя, считает, что его время еще не пришло, не определена социальная цель. Все так. Но возможна и еще одна версия. «Почитай отца своего и мать свою, да благо тебе будет» — пятая, общеизвестная заповедь. Нам не сказано: «люби, цени, уважай за что-то доброе». Сказано: «Почитай». Без разбора достоинства, социальной значимости. Тургенев далек от практического христианства, но заповедь, вложенная в детстве, помимо воли автора, явно присутствует в романе. Базаров со снисходительной любовью относится к своим родителям, но почитать их и не думает. А заповедь имеет продолжение: «Да будешь долготелен на земле... Мы любим наших детей, желаем им всяческих благ. Давайте научим их соблюдать эту заповедь, научим собственным примером.

*Елена Чернакова
при написании статьи
использовались материалы книги
протоиерея М. Дунаева «История
русской литературы»*

Как слово наше отзовется,

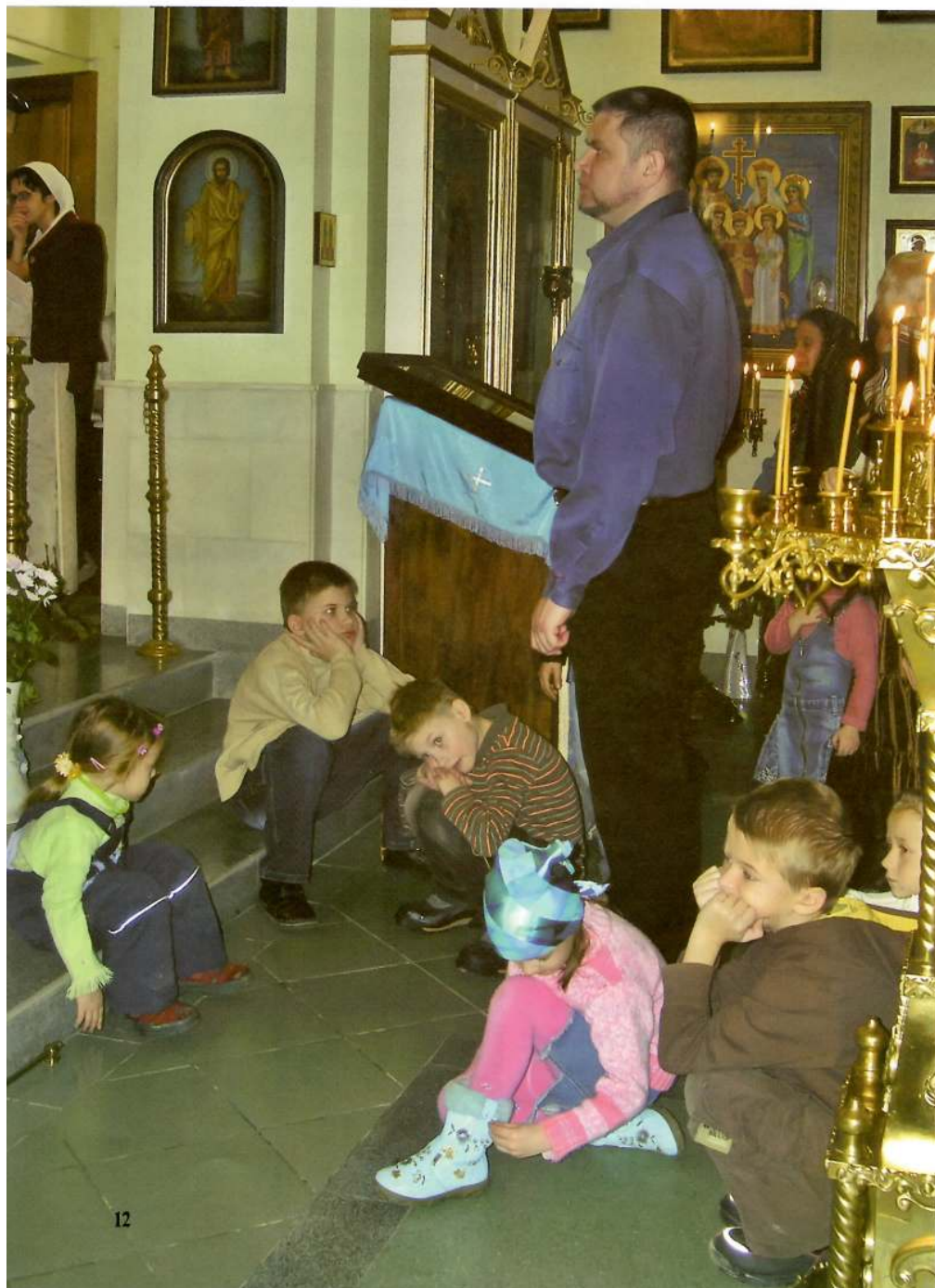
ИЛИ

КОМУ НУЖНЫ СОВЕТЫ

Каждому из нас в жизни приходится исполнять множество ролей. Дома мы — родители, дети, мужья и жены, на работе — инженеры, дизайнеры, водители, врачи, в магазине — покупатели, воскресным утром в храме — прихожане. Не все у нас удается одинаково хорошо. Привычно оправдываем себя, ну, нельзя же во всем быть идеальным! Но есть одна жизненная роль, в которой большинство из нас чувствуют себя вполне уверенно — роль советчика. Надо, или не надо, к месту и не к месту: всем, щедро, с сознанием собственной правоты, мы готовы раздавать советы. Часто кажется, что этим мы делаем истинное добро ближнему. Как же можно оставить без совета, к примеру, мамаш с шумными детьми! Они же неправильно их держат, не так одевают, не умеют успокоить... Часто именно в храме находится множество советчиков по воспитанию.

Казалось бы, немолодые опытные женщины и должны наставлять мамочек помоложе, а те, в свою очередь, впитывать мудрость опытных воспитателей и учиться. Но давайте взглянем на ситуацию под другим углом. У мамочки на руках зачастую не один, а трое-четверо, а то и больше малышей. И, поверьте, она лучше советчиков знает, как одеть, как держать, что делать с капризулей. Когда же бедная мама, и без того занятая сверх всякой меры, еще получает ненужное поучение и должна на него как-то прореагировать, то ничего, кроме лишнего раздражения, она не испытывает. Плохо маме — напряжение передается и детям, о которых так заботится советчик. А насколько в действительности велик педагогический опыт поучающих? У тех, кому сейчас за пятьдесят-шестьдесят, а это, в основном, самая активно советуемая категория, реальный опыт воспитания — один, максимум два собственных ребенка. Которых, к тому же, довольно успешно растит государство — детский сад, школа с продленкой, пионерский лагерь летом. Мамы при этом много и с интересом работали. Трудно, да и незачем судить, хорошо это было, или плохо. Так сложилась жизнь целого поколения. Мудрость опытных родителей осталась у наших бабушек, уже покинувших этот мир. Так что не стоит поучать, лучше чуть потерпеть. Глядишь, и чужие малыши покажутся не такими неправильными.

— Вы, девушка, неверно свечку взяли, надо правой рукой, — строго выговаривает молодой прихожанке женщина у подсвечника.

— Не там прошли, не так встали, сейчас свечки нельзя ставить, не того цвета платок надели, — поучаем, поучаем, считая себя опытными, благочестивыми. Ревниво поглядываем — я уже десять лет в храм хожу, а он всего ничего, не так делает, надо бы поучить, указать. А как же, а то без нашей премудрости ближнему вовек не разобраться, что к чему. И поучаем, наставляем с полной уверенностью, что делаем доброе дело. При этом в глубине души обязательно присутствует тщеславная мысль — я-то умнее, духовно опытнее. Приятно осознавать себя учителем, наставником. Если же, в ответ на наши поучения, сталкиваемся с чужим недовольством, очень сердимся в ответ. Как же так, мы же правы! Душу начинает разъедать обида, раздражение, а то и гнев. Но еще раз взглянем с другой стороны — нужен ли был наш совет, пусть и правильный?

Человек пришел в храм. Путь к Богу у каждого свой, часто непростой. Мы тоже когда-то продирались сквозь мрак неверия, сомнения и заблуждения. Мало кому повезло прийти к Богу прямой дорогой. Человек обрел веру — это огромное счастье. Первое, что должны сделать мы, как братья и сестры во Христе — обрадоваться и попытаться полюбить этого человека, принять его. Неофиту непросто сориентироваться в новом для него мире, но, как правило, в современный храм приходят люди образованные. А в церковных лавках сейчас вполне достаточно литературы для новоначальных. Книжные советы люди воспринимают легко и готовы им следовать. Главное же — не разрушить неосторожным словом хрупкий росток веры. Получив одно, другое, третье наставление, пусть и правильное по форме, но сказанное не к месту, человек начинает ощущать себя неуютно. Углубился в молитву, а ему — не так встал! Да и пусть, главное, что пришел-то он в храм! А внешнее благочестие — дело наживное.

Как часто жизнь наших ближних кажется нам далекой от совершенства! Они совершают необдуманные поступки, неправильно воспитывают детей, не так ведут хозяйство, читают не те книги... Мы охотно и с удовольствием поучаем знакомых и незнакомых, на улице, в храме, на работе, везде. Скажите, а вам нравится, когда в вашу жизнь вторгаются столь бесцеремонно? Даже наилучший и правильный совет, как правило, вызывает отторжение, если он подан не вовремя. Мы не любим советы, но почему же с таким упорством продолжаем их раздавать направо и налево? К сожалению, руководит при этом

нами не любовь к ближнему, а совсем другие побуждения. Желание самоутвердиться за счет другого, более слабого, тщеславие, самомнение — не лучшие качества человеческой природы. Но именно это и движет большинством советчиков. Потому принимать такой совет не хочется, а вызывает он обиду и раздражение.

«Я лучше знаю!» — уверены мы в глубине души. Если ближний не хочет делать так, как мы посоветовали — тем хуже для ближнего! И — обижаемся, сердимся, и упорно продолжаем поучать. «А как же смирение? — говорят иные, — я же не просто так советую, а стараюсь, чтобы ближний мой обрел это ценное христианское качество?»

Действительно, смирение — одна из самых больных проблем современного человечества. Ещё в сравнительно недавнем историческом прошлом, лет сто-сто пятьдесят назад, это качество было гораздо свойственнее большому числу людей. Достаточно обратиться к русской литературе, к примеру, к творчеству великолепного бытописателя А. Островского. Молодые люди в его пьесах почтительно внимают довольно категоричным советам старших, а если не внимают, то вскоре горько сожалеют об этом. То же — у Толстого, у Достоевского, у Гончарова. И воспринималось такое смирение, как естественный ход событий. Люди старшие, либо облеченные властью, в свою очередь, тоже проявляли смирение: перед начальствующими, перед царем, перед Богом. Не существовало безграничного — что хочу, то и ворочу, а если и возникало, то воспринималось, как аномалия. Постепенно устроение общества менялось. Чехов, призывавший выдавливать из себя раба, Горький с ярким лозунгом: человек — это звучит гордо, были лишь первыми вестниками. Когда в головах не стало царя, а в душах — Бога, смирение из высшей добродетели превратилось в постыдную слабость. Я сам, я умнее и все вокруг обязаны с этим считаться — это стало правилом для миллионов «свободных людей». Смирение, как главное качество христианской души, было утрачено народом в целом. Медленно, со скрипом, люди возвращаются к Богу, несут на себе груз собственных и родительских грехов.

Ну, вот и будем воспитывать смирение в ближних! Я поучаю, а он пускай смиряется — можно услышать и такое. А мы-то сами готовы к такому смирению? Готовы выслушать кучу ненужных, часто обидных на-

ставлений, и при этом смириться? Или хотя бы просто не возмутиться в душе. Едва ли. Имеем ли право требовать от другого понести такой груз? Признаем: смирение — наиболее труднодостижимая для современного человека добродетель. Его остро не хватает взрослым и детям, молодым и старым, духовно опытным и новоначальным. Каждый должен взрастить это чудесное свойство в своей душе, но не требовать его от другого. Если воспринять это, как данность, то дальше все достаточно просто. Нам бы надо так разговаривать друг с другом, так вести себя, чтобы, даже случайно, не задевать болезненную струну самолюбия в другом человеке. Такт и деликатность — вовсе не ненужные христианину качества. Напротив, именно проявляя эти свойства, мы демонстрируем любовь к ближнему.

Часто можно встретить прямо противоположное мнение — наш долг, как истинных христиан — обличать всякую неправду в человеке. Всё верно! Только и в этом случае желательно начать с себя. Изжил грехи в своей душе? Можно и за ближних приниматься! Только кто же из нас может сказать, что нет в нем больше греха...

Лучше обратиться к мудрости святых подвижников. Никто из них не призывает учить, наставлять, советовать, исправлять кого-то. Но, как сказал чудесный угодник Божий Серафим Саровский: «Спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи!» Все просто, премудро и ясно. Но как непросто нам переломить свою самость, свою гордыню, чтобы последовать этому совету. Гораздо легче поискать несовершенства у других и немедленно им на это указать, чтобы исправлялись! Но когда наше грубое или просто неосторожное слово оставляет горький след обиды в душе ближнего, это и наш грех, грех введения в соблазн!

Так что же, и вовсе никому ничего советовать нельзя? Можно и нужно, но только тогда, когда нами движет истинная любовь. Тогда и слова находятся верные. И, разумеется, мы не вправе отказать в совете тому, кто об этом просит. Только не стоит считать себя истиной в последней инстанции. Советовать лучше со смирением, понимая, что наш опыт, разум достаточно ограничены.

Давайте любить друг друга! И когда с наших губ готово сорваться очередное поучение или просто неделикатное слово, лучше заменим его молитвой: «Господи, милостив буди мне, грешному!»

Елена Чернакова

Мы и наши дети

Эта статья — для тех, у кого еще нет детей, для тех отважных молодых людей, которые полны решимости создать настоящую православную семью. Он и она нашли друг друга в современном водовороте страстей, амбиций, соблазнов. Их не привлекают иные ценности: самое главное — создать крепкую христианскую семью, где все — как положено. Муж — глава и кормилец, жена — верная помощница и заботливая мать, дети — радость для родителей. И, конечно, детей должно быть столько, сколько Бог дал, скорее всего — много. Замечательно! Только давайте рассмотрим ситуацию без розовых очков.

Итак, позади трогательный и торжественный день венчания. Началась семейная жизнь. Большая удача, если у молодой семьи есть возможность жить отдельно. Не секрет, что степень воцерковленности родителей и детей сильно отличается. Дети выросли в храме, их родители пришли туда взрослыми людьми, принеся с собой груз безбожной молодости. То, что для молодого поколения естественная норма, родителями до сих пор воспринимается, как особый подвиг. И вот молодые становятся родителями, а их родители, соответственно, дедушками и бабушками. Первое, с чем столкнутся начинающие родители, еще до рождения первенца — с категорическим неприятием их мнения и прав:

— Как, разве можно соблюдать пост!? — с интонацией праведного обличителя заявит молодой женщине лечащий врач, заботливая мама или свекровь, да мало ли, кто еще.

Возможен и другой поворот событий, когда с той же обличительной интонацией будет сказано: а как же мать преподобного Сергия постилась со всей строгостью и вот, святого родила! А молодой маме страшно — ребенок-то первый! Вдруг недодам ему чего-нибудь, или, напротив, несоблюдением поста поврежу душе малютки. Самое время, откинув все советы, тихонько прислушаться к себе и к малышу, понять, чего же нам надо. Только необходимой тишины может не оказаться. В больнице строго хмурят брови — не все обследования прошли,

мамочка. Анализы, УЗИ, осмотры, бесконечные очереди. Не очень приспособлена наша медицина к несправедливому, у нас это не особое состояние ожидания, а диагноз — беременность. А раз диагноз, то надо вылечить! В роддоме вам обязательно скажут, что вы совершенно неправильно себя ведете, что не умеете рожать и самое главное, врач лучше знает, что нужно вам и вашему малышу. Сквозь дикую боль вы должны еще подписать разные бумажки, что согласны на любое лечение, на прививки для малыша, на что-то еще. «Ты ленишься, ничего страшного, какая бестолковая, ребенка задавишь!» — под эти и тому подобные восклицания акушерки ваш малыш увидел свет, закричал. Вот он, такой красивый, самый лучший!

Отступление 1.

День, когда вы увидите своего первенца, а затем и других детей, ни с чем нельзя сравнить. Мгновенно забывается все тяжелое и неприятное, в сердце поселяется невыразимая нежность и ни с чем несравнимая любовь. Молодой отец глядит в лицо малыша, понимая и не понимая — это мой ребенок! Я дам ему самое лучшее — свою любовь!

И начались будни. Готовьтесь к настойчивому медицинскому вниманию, которое редко выявляет реальные болезни, зато сильно осложняет жизнь. «Что-то вес маловат, или, наоборот, много прибавили, ручки дрожат, тонус повышен, что же вы плохо за ребенком следите, не видите разве, он и ходить не будет...», — и так далее. Родители начинают ощущать себя почти преступниками, судорожно исполняя врачебные предписания. Правда, ребенок от этого не начнет спать по ночам лучше. Первые месяцы — время сплошного беспокойства. Сон урывками, непонимание — чего же он плачет, постоянная тревога, усталость, как следствие — раздражение. Все пройдет, ребеночек растет быстро — утешает иная бабушка. Верно, быстро, но при этом надо прожить каждый день, успевая убрать-постирать-приготовить-покачать-помыть-погулять и так

далее... День кажется вечностью, а недели и вправду пролетают быстро. Еще недавно малыш ничего не умел, а сегодня впервые повернулся сам, попытался встать, сам открыл ротик перед Причастием. Храм для вас теперь — не только место тихой молитвы и духовной радости, но и место, куда надо еженедельно приносить малыша. А он капризничает или хочет спать, в притворе нет пеленального столика, прихожане не слишком довольны обилием маленьких крикунов. Большая радость, если малыш в храме спокоен.

Отступление 2.

Когда ваш малыш сделает что-то в первый раз: улыбнется в ответ на вашу улыбку, протянет ручки, пролепечет что-то, похожее на «мама» и «папа», впервые смешно поползет, встанет на крохотные ножки и сделает первый шаг, вашей радости не будет границ. Бессонные ночи отступят на второй план, когда к вам доверчиво прикинется крохотное тельце, пахнущее молоком. Эта такая обжигающая радость, к которой нельзя привыкнуть, даже если это десятый малыш.

Время идет, вы ждете второго ребенка, ваш первенец активно осваивает мир. Его мало интересует, что мама устала и хочет прилечь, что папа только пришел с работы. Особого понимания от родственников и окружающих тоже не ждите. Общее мнение таково — не успели одного поднять, уже второго рожают! Хорошо, когда есть молодые семьи единомышленников, а такие сейчас встречаются. Папа и мама полны решимости создать большую семью. Это же так здорово, когда много деток. Здорово. Только все, что связано с их рождением, кормлением, одеванием-обуванием, воспитанием, обучением ляжет на ваши плечи. Появляются на свет вторые, а затем и третьи, четвертые, пятые дети. Конечно, те трудности, что казались неразрешимыми с первым и затруднительными со вторым, к пятому легко решаются опытными родите-

лями. Но добавится куча других проблем. Самая острая из них — постоянная нехватка всего: денег, сил, времени, терпения, места, внимания. Хорошо, если часть забот может взять на себя бабушка, кто-нибудь из близких, либо есть возможность приглашать няню. А если нет? Тогда жизнь мамы и папы будет напоминать колесо судьбы из древнеиндийской мифологии. Цепь однообразных повторяющихся событий, будней, из которых нет выхода. Не успели покормить всю ораву завтраком — уже обед, только развешали белье — опять полная корзина. Игрушки, книжки, карандаши по всему дому, пластилин на полу, обои в краске, и так далее. Борьбаться с этим практически бесполезно. А еще надо почитать, каждому соответственно возрасту, позаниматься, погулять, отвести-привести с занятий, помирить поссорившихся, поиграть хотя бы несколько минут с малышкой. Очень хочется раздвинуть сутки, но, даже максимально урезая время на сон, ничего до конца сделать не удастся. Усталость растет, как снежный ком. Копится раздражение, недовольство собой. Реакция окружающих на родителей с многочисленными чадами тоже не добавляет оптимизма. Увы, срывать свое раздражение часто мы будем на собственных детях.

Отступление 3.

В один прекрасный день вы с удивлением обнаружите, что ваш третий малыш умеет читать, хотя вы его этому не учили. Просто он вертелся рядом, пока обучались первые два. То же получается и со счетом, и с музыкой, и просто с бытовыми навыками. Радостно слышать, когда с некоторым недоумением говорят: надо же, столько ребятишек, и все способные! В возрасте от двух до семи так легко увлечь деток, стать для них почти что волшебником. Какой благодарной радостью светятся их глаза, когда папа или мама играют с ними в простые детские игры! Никто и никогда не способен любить нас, таких несовершенных, несправедливо гневающихся и обижающих, как наши маленькие детки. В их готовности бесконечно прощать можно разглядеть пример Христовой любви.

Дети вступают один за другим в школьный возраст. Родители с надеждой ждут этого момента, ну, наконец-то станет полегче! Не стоит обольщаться. Теперь предстоит научиться считаться с мнением своего ребенка. А это за-

дача потруднее, чем накормить или научить читать. В нашем обществе довольно прочна традиция — дети должны слушаться и безоговорочно подчиняться. Уважения к личности ребенка в реальности не бывает, даже если об этом и говорят. Как только подросшее дитя говорит или делает что-то для нас неудобное, то сразу же его обвиняют в забвении заповедей о почитании родителей и прочих грехах. Особенно популярны у православных родителей ссылки на святых отцов Церкви, которые и говорят о безусловном приоритете родительской воли. Все это неплохо, только вот у святых отцов в массе своей детей-то не было... И то, что хорошо для монастырского или старческого послушания, нельзя переносить в семью. Будем честными: чаще всего наш гнев вызывают не реальные грехи и поступки, губительные для души, а те из них, которые причиняют нам неудобства. Подросток не слушается? Конечно, это плохо, только вот стоит ли настаивать на непреклонном немедленном мытье посуды? Он это делает, дети в многодетных семьях по определению не бывают ленивыми, и ничего не случится, если через полчаса. Только не стоит думать, что подросшие дети полностью освободят вас от домашних дел. Требуете пятерок в гимназии и музыкальной школе? Тогда пол накануне контрольной придется помыть

вам. И не стоит ждать обязательного признания и особой благодарности. Выстраивая нормальные отношения с подросшими детьми, родителям приходится проявлять немалое смирение. Сохранить теплые семейные отношения без этого нельзя.

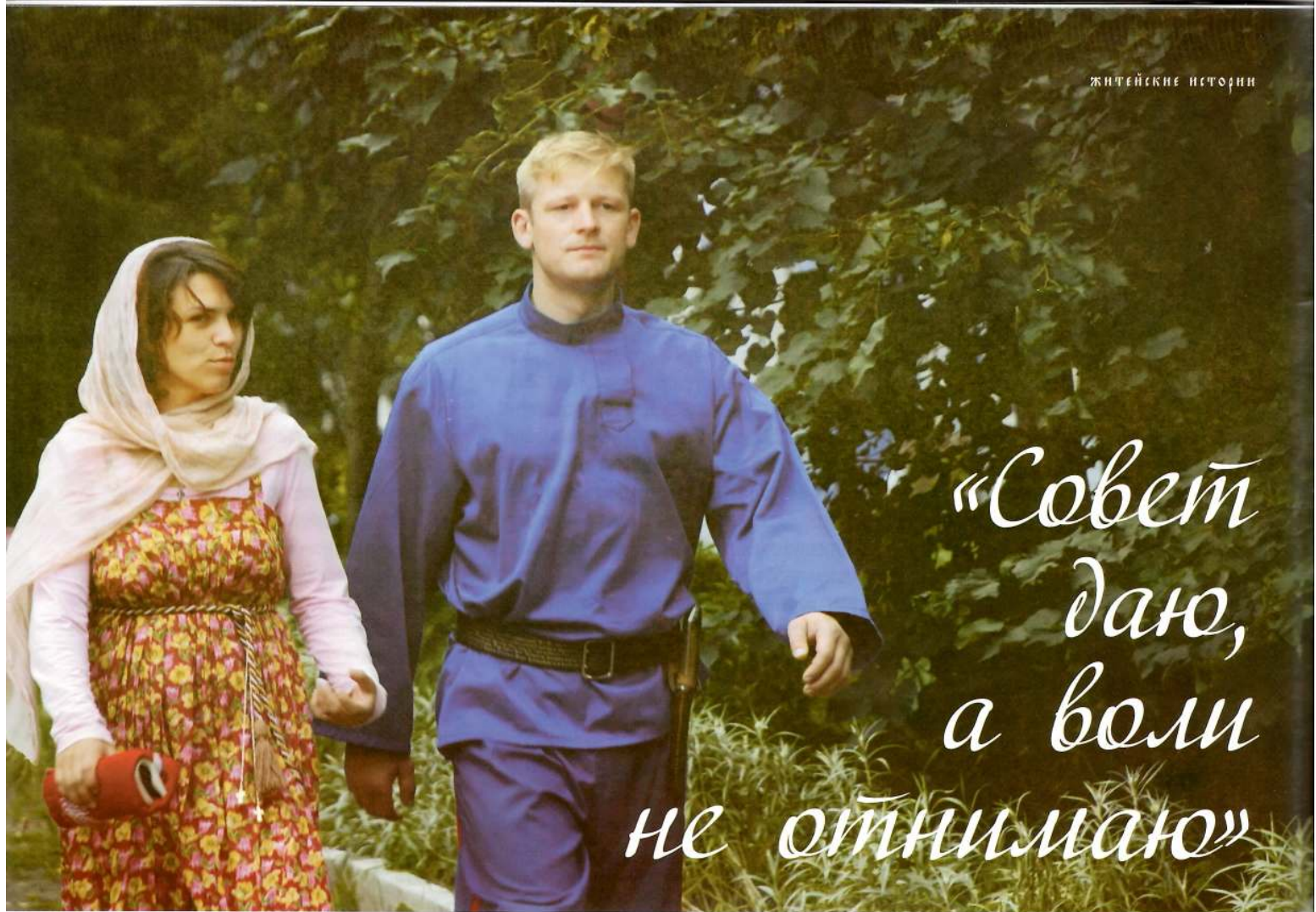
Отступление 4.

Продираясь сквозь нескончаемый труд, физический и душевный, мы получаем тот опыт христианской жизни, который очень трудно обрести малодетным или одиноким людям. Мы учимся любить, прощать, ценить образ Христа в другом человеке. И, когда жизнь перевалит за вторую половину, мы оглянемся на пройденный путь и увидим наших детей. Они — рядом, как наши друзья, как самые родные люди. Так что не бойтесь иметь много детей, только так вы поймете, чего на самом деле стоит ваша готовность быть истинным христианином. В многочадии, как нигде в мире, явно видна помощь Божия, потому что дети — Его благословение.

Многодетная мать

Ф. М. Славянский.
«Семейный портрет»
1851 г.

«Совет даю, а воли не отнимаю»

В молитве, составленной Оптинскими старцами, есть такие слова, обращенные к Спасителю: «Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая»... На самом деле исполнить это простое на первый взгляд дело не так-то просто. С чужими людьми мы стараемся сдерживаться в проявлении своих чувств, дома же порой «отдыхаем» на своих родных. Все реже встречаются теплые и доверительные отношения между свекровью и невесткой, тещей и зятем. Этому уже никто не удивляется. А порой бывает, что война идет между родными людьми — родителями и детьми.

Пример добрых отношений между свекровью и невесткой приведен в Ветхом Завете. Ноеминь была уже старой и больной, сломленной горем (от потери мужа и сыновей) женщиной, когда решила оставить чужбину, где она пережидала голод, и вернуться на родину, в землю Иудейскую. Она предложила своим невесткам вернуться к своим матерям, к своему народу. Но Руфь обратилась к ней со словами, полными любви: «...не принуждай меня оставить тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру и погребена буду" (Руфь 1:16–17). Две женщины такие разные, но такие родные — свекровь и невестка, отныне были неразлучны.

Но так, увы, бывает редко. Две хозяйки часто не могут ужиться в одном доме. Свекровь ворчит, что невестка не так варит суп, плохо погладила белье, неправильно воспитывает детей. Невестка недовольна тем, что мать мужа не предложила присмотреть

за детьми и вообще мало помогает, а только все время вмешивается.

Болезнь современного общества — потребительство. Главная установка — «надо пожить для себя». Нынешнее поколение бабушек сами рожали детей не больше одного-двух (они мешали «жить для себя»), и своих детей настраивают на то же, не горя желанием помогать в воспитании внуков. Но если молодые усвоили эту «истину» — жить для себя, то и старики потом с их проблемами не нужны.

Нередко родители, которым очень сложно расстаться с любимым чадом, рисуют будущую картину жизни молодых так: мы будем жить одной большой дружной семьей, под одной крышей, вести общее хозяйство, помогать друг другу. И нередко приводят примеры больших крестьянских дореволюционных семей, которые строились подобным образом. Но, к сожалению, время сейчас совершенно другое. Не хватает в первую очередь христианской любви, это главная причина того, что пожилые и молодые не могут ужиться под одной крышей. Да и люди сейчас совсем не те. Дети вырастут и

становятся самостоятельными поздно. И, думается, очень полезно дать детям после женитьбы самостоятельность и независимость, иначе родители рискуют всю жизнь нянчить и кормить их, как маленьких.

Раньше тоже не все было так прекрасно во взаимоотношениях. Вспомним пьесу Островского «Гроза». Марфа Кабанова держит в страхе всю семью, придирается к воображаемому охлаждению к ней сына, выказывая ревнивое недоброжелательство к его молодой жене. Сама она не считает себя насильницей: «Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить». Вроде бы, православная семья — ходят на службы, привечают нищих и странников, но кругом ложь. А вот и суждение о Кабановой Кулигина: «Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем». Семья, в которой царит деспотизм, где молодой муж не имеет права голоса, очень плохо укладывается в рамки представленный об истинном благочестии.

Современные христиане почему-то не слишком доверяют Евангелию. Однако нравится это родителям или не нравится, но Господь так сказал о семье: «Оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть» (Быт. 2, 24). Здесь и объяснять ничего не надо, все и так ясно: родители не имеют права командовать молодой семьей, ибо отныне глава ее — муж, и он должен во всем стараться проявить себя, как мужчина. А родители должны понять и принять, что они теперь будут не на первом месте и даже не на втором, а на третьем. Я, кстати, интересовалась у взрослых людей, имеющих детей, но невоцерковленных, с кем степень родства ближе — с мужем или с детьми. Так вот, ответ был: «конечно, с детьми, они — моя плоть и кровь, а на месте мужа мог быть кто-нибудь другой». Или другой пример. Мать говорит дочери, которая уже несколько лет замужем: «Почему я должна любить твоего мужа? Кто он мне такой?» При чем отношения у мамы с зятем и с дочерью хорошие. Сейчас нет правильного понимания иерархии отношений в семье. Муж и жена — нулевая степень родства, самые близкие друг другу люди, а родители и дети — уже пер-

вая степень родства. Это отмечено не только в церковных канонах, но и в государственных законах, касающихся, например, наследования имущества.

Растим мы детей не для себя. Выдав ребенка замуж или женив, мы отходим на второй план. Даже если выросший ребенок не находит себе спутника жизни и продолжает жить с родителями, то и тогда он уже не принадлежит им весь — у него своя жизнь, работа, друзья, свое мировоззрение. И обижаться тут не стоит. Родители всегда отдадут детям больше, чем впоследствии получают от них. А те потом в свою очередь отдадут свою любовь своим детям. Вот такая она, родительская любовь.

И уж, конечно, самим родителям нужно крепко осознать, что если они хотят счастья молодой семье, нельзя настраивать сына против невестки или дочь против зятя. А детям помнить, что если у них будут плохие отношения с родителями супруга (супруги), то вряд ли их семейные отношения сложатся благополучно! Ни отца, ни мать человеку никто заменить не может: все мы родом из детства, на 90 процентов состоим из семейного воспитания.

Родительская семья сидит в нас гораздо глубже, чем мы привыкли думать, — даже если мы совсем не общаемся с родителями или их уже нет в живых. Брак — это как бы союз жителей двух стран. Ведь у каждой семьи свой уклад, свои традиции, привычки. И бывает, брак становится войной двух семейных кланов, столкновением двух несовместимых картин мира. Как тут не вспомнить Ромео и Джульетту, чья любовь и жизнь трагически оборвалась из-за вражды родителей — Монтекки и Капулетти. Для молодых людей все-таки важно, чтобы семья одобрила их выбор, приняла к себе нового члена семьи.

Как-то в руки мне попала небольшая книжка «По молитвам бабушки» Людмилы Соколовой. Это воспоминания о своей жизни внучки курской старицы Мисаилы. Автор тепло вспоминает свою бабушку. Старица Мисаила обладала даром прозорливости. Она была глубоко почитаема в народе, до последнего дня к ней шли люди за советом. А как же обстояло дело в семье? Вы только представьте, у человека есть дар пред-

видения, он может остановить своих близких от необдуманных поступков. Людмила Соколова пишет, что бабушка никогда не давала сама советов, только, когда спросят. А когда чувствовала, что совет ее трудно принять, говорила: «Совет даю, а воли не отнимаю».

Вот и нам нужно стремиться давать советов как можно меньше. К тому же бывает, родители дадут совет и начинают обижаться, если его тут же не исполнили. Нужно помнить, что и дети имеют право делать то, что кажется им правильным, особенно, если им уже 30–40 лет. Понятно, старшим кажется, что они лучше все понимают, ведь они жизнь прожили, опыта набрались и, следовательно, могут учить «детей» уму-разуму. Молодым же трудно пережить придирки, властность и постоянные нравоучения со стороны родителей. Все это утомляет и повергает в уныние, властность рождает желание взбунтоваться.

Между прочим, замечено, что когда молодые живут отдельно, как правило, улучшаются отношения между поколениями семей. Умные родители в какое-то время понимают, что как бы им ни было больно и обидно, но уже началась собственная, самостоятельная жизнь их ребенка. Если родители это понимают, то обычно все хорошо складывается. Но их мало — тех, кто понимает. Больше тех, которые соглашаются, когда с ними говоришь об этом, но на практике... они все равно хотят иметь большее влияние на своего ребенка, чем то, на которое они имеют право.

По оценке специалистов, сегодня распадается каждый второй брак. Конечно, можно обвинять в этом все возрастающую безнравственность общества, самих молодых супругов, безответственно относящихся к браку, но, оказывается, довольно часто бывают виноваты... родители, самые близкие люди, которые желают своим детям только добра. В качестве совета хочется пожелать всем (и родителям, и детям) выстроить свои отношения с Богом. Участвуя в Таинствах, исповедуясь, причащаясь, молясь, многие получают свои конкретные, единственные ответы, касающиеся именно их ситуации.

Юлия Лютина

Бог есть любовь

Задумывались ли вы о том, как часто мы употребляем слово «любовь»? Люблю дождь или весну, люблю пирожки с повидлом или картошку, люблю свою собаку или хомячка, люблю запутанные детективы или стихи, люблю маму, жену, сынишку... По сути, этим словом мы обозначаем самые разные вещи, весьма далекие друг от друга. Так что же такое любовь? Почему мы так много значения придаем этому чувству? Почему его природу, несмотря на многообразные попытки, еще никому не удалось рационально объяснить? И почему же именно отсутствие любви способно сделать несчастным любого человека?

Русский язык говорит о любви разными словами: «вожделение», «дружелюбие», «сострадание» («жалость»), «милосердие», «благоговение». Это совмещение различных значений в одном слове «любовь» отражает главное свойство любви, как целестремительной и соединительной силы.

Русскому философу В.С. Соловьеву принадлежит определение смысла любви (данное в работе *Смысл любви* (1892–1894)) как «оправдания и спасения индивидуальности через жертву эгоизма». Еще одна знаменательная работа *«Искусство любить»* (1956) принадлежит Э. Фромму. Любовь, говорит

Фромм, как бы откликаясь на мысль, высказанную Соловьевым, — это объединение с другим человеком при условии сохранения обособленности и целостности самого себя. Способность человека любить зависит от меры развития им собственной личности «во всей ее целостности», а счастье в индивидуальной любви зависит от способности любить ближнего вообще. Жертвенность, забота, ответственность, уважение, единение с любимым — качества, через которые любовь раскрывается как путь преодоления отчужденности и одиночества.

Но самая пронзительная формула любви дана нам в Евангелие: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Принадлежат они любимому ученику Христа, апостолу и евангелисту Иоанну Богослову. Евангелия повествуют, что апостолы, сочтя дело своего Учителя проигранным, в страхе разбежались из ночного Гефсиманского сада и даже не почтили последних минут Его земной жизни у Голгофы. Из них один лишь Иоанн пребывал у подножия Креста, не заботясь опасениями собственной безопасности... Умирающий на кресте Христос вместо себя усыновил Иоанна своей Матери Деве Марии. «И той поры ученик взял Её к себе», читаем в его Евангелии

(Ин 19:27). Апостол Иоанн был свидетелем Преображения Господа, во время Тайной вечери «возлежал на груди Иисуса» (отсюда понятие «наперсник») и одним из первых услышал весть о Воскресении.

Позднее он напишет: «Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его в нас совершенна. То, что мы пребываем в Нем и Он в нас, мы узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. Кто исповедует, что Иисус — Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь достигает в нас такого совершенства, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершенен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас. (Ин. 4:12–19).

В последние годы своей жизни апостол говорил только одно наставление: «Дети... Любите друг друга!» (Ин. 13:33–34). Ученики спросили его: «Почему ты повторяешь одно

и то же?» Апостол ответил: «Это самая необходимая заповедь. Если ее исполните, то весь Христов закон исполните».

Мы — христиане, и, значит, все, что написано в Евангелии, должны воплотить своей жизнью. Для нас оно не может быть отвлеченным философским учением, высокой духовностью или абстрактным морализаторством. Но как нам, обычным грешным людям, замученным повседневностью, применить всю эту высокую философию к своей жизни? Как нам научиться такой любви? Да и надо ли, возможно ли? Расхожие психологические тесты, советы, такие популярные в современном мире, наперебой отвергают заповедь о такой любви. Самое главное — сохранить индивидуальность, чтобы никто вас не подавлял, не мог заставить сделать что-то, ущемляющее свободу вашей личности. А любовь... Да, это, конечно, хорошо, приятно, но только без лишней обременительности. Вы не должны в ущерб своей свободе и независимости отдавать все время и силы другому человеку. Все должно быть слегка; доставлять удовольствие, но не более. Появился даже модный термин: «выгорание», когда человек, принимающий близко к сердцу чужие беды, получает депрессию. Поэтому врач должен дистанцироваться от страданий пациента, учитель — от переживаний ученика, милиционер — от беды пострадавшего. И все больше и больше сужается круг тех, кого мы готовы впустить в свое сердце и полюбить. По-другому нельзя, говорит современный мир. Но точно ли это так?

Что бы сказали те, кто говорит об опасности принимать близко к сердцу беды небольшого числа людей, о человеке, который, будучи глубоко инвалидом, помогал ежедневно сотням страждущих, да еще писал по несколько десятков писем тем, кто ждал его помощи?

«Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем — мое почтение» — эти слова чудного старца Амвросия Оптинского известны всему православному миру.

«Делание третьего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия — наиболее славная и светлая пора русского старчества... Однако путь делания старца Амвросия, освобожденный от скорбных внешних обстоятельств, был обременен его тяжкими и почти непрерывными болезнями и телесными страданиями. Старец Амвросий, прослужив иеромонахом меньше одного года, должен был уйти за штат, остаться на иждивении монастыря... И этому-то болезненному старцу было уготовано Господом Промыслителем стать светлым светильником, неутоми-

мым деятелем, проповедником и апостолом старческого делания...

Что сделало имя старца Амвросия как бы нарицательным, как бы единственным в своем роде, живо изображающим, живописующим делание Христово на земле? Подлинное умертвие со Христом, подкрепляемое каждодневным крестом болезней, и здесь же — истинное во Христе и со Христом воскресение в деле живой и деятельной любви к ближнему, — любви, которая стала заветом всей жизни старца...

Стоит вчитаться в бесконечные свидетельства духовных детей старца и его очевидцев, чтобы понять, как велика, всеобъемлюща, непререкаема была его любовь, выражавшаяся в восстановлении им образа Божия в приходящих к нему. Как неожиданно перестраивалась их жизнь, принимала новое направление и содержание и только в этом новом содержании находила себя, обретала подлинную неподдельную радость, обретала саму себя. Повести эти читаются всегда с неослабевающим интересом, в них — поражающая и побеждающая правда воскресения душ во Христе. Вся эта новая, восстановленная новозаветная рать вливалась в старый, дряхлый мир и незаметно, но неуклонно преображала его, спасала, вдохновляла на живую любовь и жизнь в Боге.

Таково было великое значение старческого делания, излившегося от одра болезнующего старца, который, однако, в то же время был «веселенький», по слову его келейников». (Из книги монахини Игнатии «Старчество на Руси»).

Послушаем голос самого старца в письмах к своим духовным детям: «Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом или корыстью, то такому дьявол мешать не может».

«Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь».

«Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с помощью Божией человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собою и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долготерпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к

переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление».

Сотни духовных детей приходили к великим старцам — Серафиму Саровскому, Иоанну Кронштадтскому, Оптинским старцам. И каждый получал не просто совет, но всю теплоту и щедрость истинной любви. А что же получается у нас? Плачем на исповеди: дети неблагодарные, мы их так любим, добра желаем, а они по-своему делают. Еще страшнее — со страхом понять, что ты не любишь своих родных: супруга, детей, родителей. Неужели апостол Павел ошибался, когда говорил нам: «Любовь никогда не перестает» (1 Кор. 13:8)? Нет, любовь никогда не перестает. Каждого из нас бесконечно, безгранично, безусловно любит Господь. Как только мы начинаем понимать, что каждый из нас любим Богом, меняется все вокруг нас. У человека как будто раскрываются глаза, с сердца спадает ледяная корка. И тогда мы начинаем любить тех, кто рядом. Любить по-настоящему, как образ и подобие Божие, а не как объект наших притязаний. Божия любовь нелицеприятна, она никак не зависит от внешних обстоятельств. Она просто живет в нас и греет всех вокруг. Человек, впустивший Бога в свое сердце, способен понести груз сострадания и сорадования с каждым. Но как же вместить в сердце всех ближних, да и кто он, мой ближний?

Ближний — тот, кто ждет нашей любви, значит, это наши родные, соседи, прохожие, те, кто рядом, и те, кто далеко. Если в нашем сердце живет Христос, то оно становится огромным и беспредельно любящим. Оно вместит всех. Не надо бояться любить!

Аркадакская крестьянская семья
Быковых, фото 1902 года

С чего начинается Родина?

Народная мудрость учит нас, что «мой дом — моя крепость». На протяжении многих веков семьи были многопоколенными, крепкими. В них из поколения в поколение передавались традиции, ценности, семейные предания. Семьи вели своё во многом самостоятельное хозяйство. Всем этим и были уникальны семьи.

Однако же становление и развитие промышленности, капитализма, научно-технического прогресса сделали человека мобильными и одновременно оторвали его от своих корней, разрушили большие семьи. Годы советской власти внесли свой надлом в институт семьи уже по политическим мотивам. Часто люди стали скрывать, стыдиться прошлого своих семей, не говорить о предках — купцах, дворянах, священниках. Любые недоговорки прерывают связь поколений, становятся шагом к предательству памяти о предках и к очередному переписыванию истории. Один из результатов — появление «Иванов, не помнящих родства», порой не знающих своих корней глубже дедушки и бабушки, а иногда и родителей. При этом зачастую, кроме имен этих людей, подрастающее поколение ничего и не знает о них.

Изучение своих корней, анализ личного и родового прошлого важно в любом возрасте, однако акценты значимости в каждом возрасте свои.

Именно в дошкольном возрасте через игру, через яркие, эмоционально насыщенные и иллюстрированные рассказы следует начинать приобщать ребёнка к истории рода. Может быть полезным совместный просмотр семейных фотографий, семейной кинохроники, рассказ о том или ином предке и семейных мифов о фамильных вещах.

Когда ребенок подрастет, пойдет в школу, возможности для привития ему интереса к прошлому семьи становятся еще более разнообразными. Это можно и нужно сделать современными методами, с учетом того, что на дворе XXI век — век информационных технологий.

Приведу несколько примеров. Сегодня дети с малолетства сидят за компьютерами. Полезно предложить ребенку осваивать различные графические редакторы, а они открывают широкие возможности для творчества. Можно научить ребенка работать с фотографиями на примере ретуши старинных семейных фотографий,

создания из них различных коллажей, календарей, открыток. Это одна из многих возможностей, а их гораздо больше. Так существуют специальные компьютерные программы, которые позволяют оформлять родословные схемы. Ребенку можно открывать мир Интернета, предложив искать материалы о родословной. Например, сайт Министерства обороны, на котором можно узнать о родственниках, погибших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны.

А почему бы девочке не научиться шить, вязать? Этому и в школе учат. Однако можно предложить ей починить старинную шаль прабабушки или какую-то другую фамильную драгоценность.

Это позволит вам воспитать подрастающего ребёнка в традициях вашего рода, семьи с вашими фамильными ценностями. И одновременно дать ему навыки, необходимые каждому современному человеку. Так будет заложен фундамент личности, который позволит ей благополучно развиваться в период активной трудовой жизни, станет ориентиром для человека в трудные моменты.

Пожилому человеку важно принять свою жизнь, проанализировать её, передать свой опыт внукам, правнукам. Именно пожилой человек может вводить своих внуков в мир фамильных легенд и преданий. В этом возрасте полезно писать мемуары, дневники. И пусть публикуют мемуары лишь знаменитых людей, однако для членов семьи важны воспоминания, рассказы именно их близких людей.

...В одном из разговоров с пожилой женщиной я услышал интересную историю о том, как она участвовала во воспитании своей внучки. С малолетства она начала рассказывать ей о своей жизни, о своих предках. Теперь внучка выросла, стала студенткой. И уже теперь эта двадцатилетняя девушка идет к бабушке за советом, пытается сверять свою жизнь с тем, как поступали в той

или иной ситуации люди старшего поколения. Думаю, это наивернейший пример того, насколько важно с малых лет прививать ребенку интерес к истории семьи, к семейным традициям.

С чего же начать составление своей родословной? Как упорядочить и оформить собранные данные? Этими вопросами, наверное, задаётся каждый приступивший к изучению прошлого своей семьи.

В каждой семье хранится хоть несколько раритетных фамильных вещей, однако зачастую они «молчат», не могут рассказать ни о своём владельце, ни об истории своего попадания в этот дом. А как интересно бывает смотреть на старые фотографии с красивыми лицами, в знатных или простых одеждах, светских или в военной форме. И как при этом бывает грустно, если неизвестно, кто эти люди.

Поэтому любое изучение прошлого своего рода следует начинать с расспросов бабушек, дедушек, других родственников. Ведь именно семейные предания, легенды делают интересными и увлекательными генеалогические изыскания. Полезно написать в архив той области, в которой когда-то жил Ваш предок...

Как грамотно, понятно себе и другим оформлять то, что узнаёшь о фамильном прошлом? Наверное, у каждого из детства сохранились воспоминания об уроках литературы, на которых иногда рассказывали, что в той или иной дворянской семье на стене висело родословное дерево. Это реально изображённое дерево, ветви которого — это ветви семьи, листья — члены семьи. Настоящее произведение искусства...

Однако в современной практике чаще предпочитают иные формы записи родословной информации. Родословному дереву близка родословная схема. Отличие лишь в том, что художественное оформление заменяется схематическим. На родословной схеме не ветви, а линии, стрелки обозначат связи между людьми. Существует довольно унифицированная система условных обозначений, как то брак, рождение, смерть... Но множество замечательных, интересных данных останется за пределами схемы и дерева!

Гораздо полезнее составлять поколенные росписи. В них можно включить любую информацию о любом представителе фамилии. Сразу хочется оговориться: вышедшая замуж женщина, рождённые в этом браке дети считаются принадлежа-

щими роду мужа, но не роду женщины. Поэтому историки-генеалоги не рекомендуют включать этих детей, родственников мужей ни в одну из описанных форм оформления родословной, хотя допускаются и смешанные родословные.

В поколенной росписи запись всей информации идёт по поколениям, при этом сохраняется сквозная нумерация, есть возможность быстро сориентироваться, кто чей сын или дочь. Приведу пример поколенной росписи:

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ РОДА ЗАХАРОВЫХ

I поколение

1. Александр Захаров.

II поколение

2-1. Иван Александрович
Захаров
Ж. Захарова (Всехвальная)
Прасковья Николаевна
3-1. Фёдор Александрович
Захаров
4-1. Василий Александрович
Захаров

III поколение

5-2. Александр Иванович
Захаров
6-2. Мария Ивановна
Пильникова (Захарова)
(20.01.1894 – 22.10.1986)
См. «Поколенную роспись рода
Пильниковых»
М. Виктор Исаевич Пильников
См. «Поколенную роспись рода
Пильниковых»

Из приведённого фрагмента поколенной росписи можно почерпнуть массу информации:

В данном варианте род представлен тремя поколениями, шестью человеками, от рождения носившими фамилию Захаровы. В род включена женщина, ставшая женой мужчины — Захарова Прасковья Николаевна. Одна женщина из рода Захаровых — Мария Ивановна, выйдя замуж, перешла в род Пильниковых. Поэтому, хотя здесь упоминается и она сама, и её муж, более подробная информация о них, их детях будет уже в «Поколенной роспи-

си Пильниковых». Второе число около человека, написанное арабскими цифрами, это порядковый номер его отца. Разберём это на примере:

6-2. Мария Ивановна
Пильникова (Захарова)
(20.01.1894 – 22.10.1986)
См. «Поколенную роспись рода
Пильниковых»
М. Виктор Исаевич Пильников
См. «Поколенную роспись рода
Пильниковых»

Из этого фрагмента можно узнать, что Мария Ивановна занимает шестое порядковое место в данной «Поколенной росписи», является дочерью Ивана Александровича Захарова. Ему в данной «Поколенной росписи» присвоен порядковый номер два. Мария Ивановна является представителем третьего поколения Захаровых в данной «Поколенной росписи». У Марии Ивановны был муж — Виктор Исаевич Пильников. Именно поэтому подробной информации о жизни Марии Ивановны, тем более о жизни её мужа, их детей, родительской семьи мужа здесь нет.

Жёны и мужья в роспись включаются, однако нумерация им не присваивается.

Получается, что поколенная роспись позволяет, с одной стороны, упорядоченно представить систему родства в фамилии, а с другой — в биографических справках записать любые семейные предания. Именно поэтому сейчас поколенные росписи активно используются генеалогами.

Полезно вспоминать информацию о развитии страны в затронутые эпохи. Учтывая условные 25–30 лет на поколение, можно представить себе обстановку, в которой жил ваш пращур, точные даты жизни которого вам неизвестны.

Генеалог-любитель и профессиональный журналист Михаил Ильвес в книге «Фамильные драгоценности» пишет: «Когда... несколько лет назад я начал составлять своё родословное древо, самым глубоким его корнем была для меня единственная бабушка, которую я чудом застал в живых. Сейчас мне известны сотни имён и судеб моих предков, и поиск этот уже не отпускает меня».

Дмитрий Гладышев, психолог,
член Новосибирского Историко-
Родословного Общества

Рассказы старого колокола

Дедушка, посмотри, какие замечательные цветы расцвели на нашей поляне! — воскликнула Динь.

— Не надо срывать их, внученька, давайте лучше просто полюбуемся красотой, — старый колокол неторопливо подошел к яркой куртинке нежно-голубых первоцветов.

— Какие они сильные! — с восхищением сказал Дон, — с виду такие хрупкие, а как смело пробилась к свету. Утром на лужах еще крепкий лед, а они цветут, и не боятся замерзнуть.

— Да. Они спешат подарить людям радость весны после суровых холодов и снега. Знаете, мои дорогие, некоторые люди тоже подобны первоцветам. Они так спешат доставить радость другим, поделиться своей любовью, передать всем свет Христовой любви, что просто не помнят о тяготах и опасностях, — сказал старый колокол.

Звонкие колокольчики пристроились рядом с дедом на поваленном дереве и приготовились слушать...

— Вы помните, конечно, историю про мальчика Адриана, его родителей Мартиане и Целестине и тех, кто жил с ними рядом в далекие времена римских цезарей. Адриан был рад, что обрел искреннего друга, Аврелия. Теперь они часто разговаривали о Христе, о вере. Аврелий был единственным, кого Адриан посвятил в тайну своего рождения.

К концу жизни император Септимий Север сделался еще более яростным гонителем христиан. Со всех концов огромной Римской империи приходили вести о тех, которые стали мучениками за Христа. В общине не оплакивали их смерть, а радовались, что обрели новых молитвенников на небесах. Только у Целестины больно сжималось сердце, когда она видела, с каким душевным жаром её сын слушал эти рассказы. Не раз она говорила мужу:

Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное (Мф. 19, 14)

— Не могу без трепета слышать, как приходят всё новые вести о Христовых мучениках. Подумать только, среди них есть и дети! Представь, если такая же участь постигнет нашего сына! Я знаю, что подвиг велик в глазах Господа, но как же матери пережить смерть сына!

— Не забывай, что этот ребенок был дарован нам чудесным образом, — строго сказал Мартиан, — его мать, возможно, лучше нас осведомлена о его грядущей судьбе. Не будем же препятствовать Божией воле. Пусть все идет так, как должно.

Мартиан помолчал, и добавил с печалью:

— Сказать по правде, мать, я и сам неспокоен. Последние вести из африканских провинций просто потрясли меня. Я восхищаюсь мужеством родителей, которые благословляли на подвиг детей и сами разделили их участь, но и трепещу при мысли, что это возможно и с нами!

Адриан тоже слышал рассказ о семьях, умученных за Христа. Он восхищался их мужеством и стойкостью и ощущал в себе все более крепнущую решимость разделить их участь.

— Нет ничего выше мученичества! — горячо убеждал он друга, — вот и наш пресвитер говорит то же самое.

— Я не спорю с тобой, Адриан — с грустной улыбкой говорил Аврелий, — просто думаю, что это не единственный путь.

— Неужели ты боишься? — спросил как-то Адриан с легкой насмешкой, когда они с другом гуляли вдоль моря в полном одиночестве.

Аврелий помолчал немного, а затем безо всякой обиды сказал:

— Ни ты, ни я не знаем пределов своего мужества, как не знаем и того, какой путь нам уготован. Думаю, что нужно просто жить без лукавства и с искренней любовью в сердце. Прошлой зимой мы с матерью ненадолго уезжали в провинцию, к родным покойного отца. Они христиане, земледельцы, живут просто и небогато. Поначалу я не увидел в их жизни ничего необычного. Даже скучно показалось. Лишь через несколько дней я с удивлением поймал себя на мысли, что ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из этих людей осудил другого, сказал грубое или просто непристойное слово. В их простых делах, в каждой минуте, как чудесная музыка, звучала постоянная любовь. Тогда я понял, что же хотел объяснить нам Христос, когда говорил: «Да любите друг друга». Так тепло, как в этом простом доме, мне не было больше нигде.

— Но что же в этом особенного? — нетерпеливо воскликнул Адриан, — это вовсе не трудно, и не требует особого мужества!

— Да? — хитро протянул Аврелий, — а ты попробуй, только искренне, без притворства, хотя бы один день прожить так. Не того, кто тебе любезен и приятен, а всякого прими и возлюби всем сердцем, не возносись, даже в мыслях, что ты умнее и лучше многих, не осуди язычника или согрешившего брата.

Адриан растерянно замолчал. До этого момента ему не приходило в голову, что простая истина: возлюби ближнего своего, как самого себя, может иметь такое воплощение. А ведь верно — пожалуй, и одного дня так не осилить. А как же — всю

жизнь! Тебя обижают — а ты не просто простишь, а продолжишь любить обидчика! Ты с легкостью справляешься со сложной задачей — и при этом ни на минуту не думаешь о том, что умнее других! Пожалуй, Аврелий прав — это же подвиг!

— Похоже, тебе надо остыть от глубоких мыслей, а то сейчас закипишь, — засмеялся друг — давай поплаваем!

Друзья с удовольствием бросились в море. Оно было таким теплым, ласковым, что хотелось плыть и плыть в мягко покачивающих волнах. Мирное солнце пригревало спины. Юноши были отменными пловцами, и вскоре берег лишь тонкой полоской виднелся на горизонте. Пора поворачивать обратно. Вдруг в синей воде мелькнул угрожающий треугольник. Акула! Аврелий первым заметил её.

— Быстрее! К берегу! — закричал он.

Но хищная рыба стремительно приближалась. Как быть?

Аврелий на секунду замер, а затем быстро повернул в открытое море.

— К берегу, Адриан! — повелительно крикнул он, — я отвлеку её!

Адриан плыл изо всех сил и громко, отчаянно звал:

— Юния, матушка, помоги, умоли о нас Господа!

Он оглянулся. Аврелий догнал его, а зловещий треугольник рыскал далеко в стороне. Наконец под ногами твердое дно! Два друга в изнеможении упали на песок и долго лежали, не в силах пошевелиться. Наконец, Адриан перевернулся на спину и сел, обхватив колени руками. Он посмотрел на Аврелия:

— Ты же мог погибнуть из-за меня, — тихо сказал он, — а как же твоя мать? Неужели тебе не было страшно?

— Было, — спокойно ответил он, — но за тебя я испугался сильнее. Не будем больше говорить об этом. Пошли!

Адриан больше не сомневался в мужестве друга. С этого дня он как будто заново увидел его. Аврелия любили все — от самого строгого школьного учителя до задир и непоседы Максимилиана, ученика-переростка, обижавшего всех в школе. К каждому он выказывал такое искреннее расположение, что и в ответ все невольно проникались этим чувством. Одно только присутствие Аврелия могло угасить вспыхнувшую ссору, и даже завзятые сплетники и любители посудачить о недостатках других переходили к другим разговорам. Адриану очень хотелось походить на друга, но, увы, часто не хватало терпения, смирения и любви. Особенно трудно было не вознестись в мыслях, когда его хвалили за успехи в учебе. А хвалили Адриана почти каждый день.

— Как тебе удастся не гордиться, ты же знаешь куда больше, чем я? — спрашивал Адриан.

— Чем же гордиться? — искренне недоумевал Аврелий, — нет моей заслуги в том, что Бог даровал мне быстрый ум и способности. Да и не так уж много я умею и знаю.

Несколько дней спустя в школу был принят новый учитель греческого, совсем молодой, почти ровесник старшим ученикам. Вскоре Адриан понял, что они затевают какую-то каверзу. Мо-

лодой учитель чувствовал себя не слишком уверенно среди бойких отпрысков богатых римлян, и потому вел уроки подчеркнуто строго. По заведенному в школе обычаю, раз в месяц родители приходили на один из уроков, чтобы послушать, как овладели наукой их сыновья, и как их обучают. Часто они выражали недовольство учителем, особенно если сын не слишком успевал в науках. В этот месяц была очередь именно греческого.

Когда родители расселись, и начался урок, в классе повисло еле ощутимое напряжение. Максимилиан и два его приятеля переглянулись, и в этот момент раздался спокойный голос Аврелия:

— Учитель, вы задавали разбор героики в «Илиаде». Позвольте мне и Адриану представить небольшой диспут на заданную тему.

Адриан слегка удивился, но возражать не стал. Текст был ему хорошо знаком, тема — тоже. Через несколько минут весь класс, вместе с учителем и родителями, увлеченно слушали диспут. Аврелий уверенно вел основную тему, время от времени привлекая к разговору других учеников. Вскоре оказалось, что Гомер любим всеми, и каждый хорошо знал задание. После урока отец Максимилиана долго благодарил молодого учителя:

— Знаю, что мой оболтус учится нерадиво, но вы сумели его заинтересовать. Вот не думал, что он так много знает!

— Ваш сын способен к учению, и он обязательно станет одним из лучших учеников, — заверял его учитель.

Максимилиан краснел от неожиданной и непривычной похвалы. Вскоре греческий стал любимым предметом у всех учеников.

Дома Адриан рассказал матери о том, как Аврелий пришел на помощь молодому учителю. Целестина заметила:

— Поступок Аврелия проникнут искренней любовью. У этого юноши замечательное свойство — всех любить! Знаешь, сынок, а ведь жить так — значит истинно исполнять Божию волю. Удивительный человек — твой друг! Пожалуй, я бы так не сумела. Хорошо и легко делать добро тем, кого ты любишь, но полюбить всех — настоящий подвиг!

Однажды Мартиан вернулся домой неожиданно рано и сразу же поспешил на женскую половину.

— Говорят, император умирает, Целестина, — взволнованно проговорил он, — один из старых друзей шепнул мне, что едва ли он протянет до утра. Последние годы он стал свиреп, как дикий зверь. Я не говорил тебе, но одно только подозрение, что я — христианин, могло стоить жизни всем нам. Сын его, Каракалла, облагает необузданным нравом, но к христианам относится равнодушно. Он считает, что каждый может верить тому, чему хочет.

— Возблагодарим Господа, Мартиан! Мы сможем вырастить сына! — в этот вечер Целестина дольше, чем обычно, молилась в спальне.

Наутро по Риму разнеслась весть о кончине императора. Легионеры присягнули на верность Каракалле, которого знали, как решительного война, и в империи воцарилось спокойствие.

Для самых маленьких

Улей — это пчелкин дом.
Верно, меду много в нем!
Загудели пчелы грозно —
Убегай, пока не поздно!

Прыгнул со стола клубок,
А за ним — пушистый кот.
Обмотали все вокруг,
Нет пути ни там, ни тут!

У пруда живут подружки —
Пучеглазые лягушки.
Громко квакают с утра:
— Мы поймали комара!

Тонконогий одуванчик
Примеряет сарафанчик.
Был яркий, золотистый,
Стал беленький, пушистый.

Кот мурлычет возле чашки:
— Мяу, мяу, дайте кашки!
Таня ложечку взяла,
Киске кашки подала.
Облизнулась киска —
Маловата миска!

Елена Чернакова

Приключения Колобка в квартире №4

Испекли Колобка в Квартире. Вынесли на балкон остывать. Надоело Колобку лежать. Покатился колобок в зал.

Видит там диван. Спрашивает Колобок диван.

— Как поживаете мадам?

— Поживаю хорошо, поси-ди на мне дружок.

Посидел, помечтал, дальше поспекал.

Катится по коридору — видит пылесос. Спрашивает Колобок.

— Зачем тебе такой большой нос?

— Чтоб в квартире было чисто, было чисто и лучисто. И стал пылесос жужжать, пришлось Колобку убегать. Закатился в ванную. Там

увидел кран.

— Почему у тебя глаза разного цвета? — спрашивает Колобок.

Кран не объяснил, а воду включил. Колобок побоялся размокнуть и укатился. Попал Колобок в детскую, а там щенок. Испугался Колобок, хотел укатиться, да было уже поздно. Побежал щенок и съел Колобка. Путешествию конец, а кто слушал молодец.

Оля Тихобаева

Камень ангела

Посмотри, мама, опять эта старуха, — прошептала маленькая кудрявая девочка, крепко ухватившись за материнскую ладонь.

— Чего ты испугалась, глупышка, — ласково сказала женщина, — это просто старушка из соседнего селения. Видишь, она устала, и присела возле камня у дороги. Отнеси ей лепешку, доченька!

Девочка, насупившись, с неохотой взяла у матери серую ячменную лепешку, обычную еду бедняков, и нерешительно приблизилась к старой женщине.

— Возьми! Ты, наверное, голодна, — девочка взглянула в лицо старухе и неожиданно для себя улыбнулась ей. Так ласково смотрели удивительно синие глаза старой женщины, что девочке сразу расхотелось её бояться.

— Мамочка, я устала! Давай посидим немного возле этого камня! — попросила она.

— Да возблагодарит Господь тебя и твою дочь за доброту, — тихо и торжественно сказала старушка.

Мать и дочь присели на сухую траву возле камня. Странное дело! Зной раскаленного полдня, от которого в эту пору просто нет спасения, совсем не ощущался ими здесь. Ни тени, ни деревьев, ни освежающего источника поблизости нет, только большой серый камень, каких полно было вдоль дороги. Девочка погладила гладкий серый бок.

— Ой, что это! — воскликнула она, — как будто крылышки на камне! И на ощупь — как настоящие!

— Это и есть крылья. Крылья ангела, — тихо сказала старушка.

— Расскажи. Наверное, это удивительная история, — попросила девочка.

— Давным-давно, когда я была так же мала и весела, как ты, по этой дороге проходил Бог. Огромная толпа народа шла за ним. Мессия — так они называли его. Люди слушали и приходили в недоумение. Бог говорил удивительные слова: о том, что надо возлюбить не только того, кто делает тебе

добро, но и самого злого врага, что все люди — братья и любимы Богом-Отцом, как дети. И что ни богатство, ни земная слава и почести не приблизят человека к Царствию Небесному.

— Наверное, Его уста извергали огонь, а сам Он был громаден? — испуганно прошептала женщина.

— Нет, — покачала головой старушка, — Он был во всем, как обычный человек. Только всё в Нем дышало такой полной, такой глубокой любовью, что невозможно было не поверить Его словам. Я рано осталась сиротой. Моя тетка была добра ко мне, но я очень тосковала по маме. И только тогда, когда мы пошли за Ним, в моем сердце поселилась светлая память и любовь. Около полугодя мы шли от селения к селению. Бог говорил с людьми, многие присоединялись к нам. Но было много и тех, кто смеялся, а то и злился, слыша Его проповедь. Для меня же каждый день был наполнен счастьем. Иисус, так звали Бога, часто разговаривал с нами, детьми. Иногда Он брал меня на колени, когда рассказывал что-нибудь другим детям. Не передать словами, какая радость охватывала меня! Как будто теплое солнышко обогрело холодной зимой. Так мы дошли до Иерусалима. Но вечером накануне я вдруг сильно заболела. Поднялся сильный жар, я бредила. Тетушка оставила меня в небольшом селении вблизи города. Как сквозь тяжелый сон, доносились до меня отрывки разговоров. Иисус вошел в Иерусалим, как царь, и все радовались Ему и кричали: «Осанна!». Он был где-то со своими учениками, а потом Его схватила римская стража и привела к наместнику.

Несколько дней я почти ничего не слышала, только тихий плач женщин. Вдруг как будто внутри меня прозвучал ласковый голос: «Теперь надо встать. Ты больше не больна!». Я открыла глаза и села на постели. Был ранний предрассветный час. Солнце только собиралось восходить. На всём ещё лежал таинствен-

ный отпечаток ночи. Несколько женщин торопливо прошли под окном. Голоса их были мне знакомы: они тоже ходили вслед за Богом. Я встала и быстро пошла за ними, как будто мне кто-то об этом сказал.

— Кто отвалит нам тяжелый камень от гроба? — озабоченно спрашивала одна.

— Рано беспокоиться об этом, — отвечала другая, — сможем ли мы просто пройти мимо стражи?

— Идем скорее, мы должны отдать последний долг Учителю. Он умер за нас, будем же тверды в упованиях своих, — сказал еще один голос.

Как умер?! Этого не могло быть, они что-то перепутали! Бог не мог умереть, я это точно знала. Мое сердце замирало в груди, когда я крадучи шла за ними. У женщин в руках были тяжелые кувшины, в таких носят миро, чтобы помазать тело умершего, по иудейскому обычаю. Мы прошли какой-то мрачный пустырь. Женщины замедлили торопливые шаги перед небольшой горой.

— Смотрите! — закричала та из них, что шла первой, кажется, её звали Марией, — камень отвален и рядом никого нет!

В эту секунду первый рассветный луч брызнул ярким светом по камням, и они разом вспыхнули, как чудесные самоцветы. Но ещё ярче засиял вход в пещеру. Женщины устремились туда и вскоре выбежали с радостно-растерянными лицами. Они побежали по дороге. Кувшины остались лежать у входа. Один из них открылся, и миро заструилось по пыльной земле, сверкая под лучами восходящего солнца, как жидкое золото. Тогда я решила войти в пещеру.

В ней никого не было. Только на каменном ложе лежали свернутые пелена, какими обвивают покойников. Но где же Тот, ради Которого женщины проделали этот путь? Яркий свет заставил меня зажмуриться. И тут я услышала голос:

— Христос воскрес! — голос звучал удивительно, нежно и сильно одновременно.

— Кто ты? Что означают твои слова? — спросила я без страха.

— Я Божий вестник, ангел. По воле Божией я объявляю тебе о великом чуде и великой радости: Христос, распятый три дня назад и погребенный в этой пещере, воскрес!

Я открыла глаза. Прямо передо мной стоял белоснежный ангел. Два больших крыла лежали за спиной.

— А где же Он, мой Бог? Неужели я его больше не увижу? — спросила я Божьего посланника.

— Увидишь, конечно увидишь. Он послал меня к тебе сказать, что любит тебя, как и прежде. Пройдет твоя земная жизнь, и вы встретитесь в небесных обителях. Там так чудесно, что описать это вашим языком я не в силах.

— Так долго ждать... неужели нет другого средства увидеть Христа сейчас!? — воскликнула я.

— Ты обязательно увидишь Его, — ласково сказал ангел, — чтобы ожидание не было одиноким и тягостным, вот тебе знак.

Он взмахнул белоснежными крыльями, и на простом сером камне возник четкий отпечаток. Затем легонько подтолкнул его, и камень выкатился, как легкий шарик и встал возле дороги.

— Этот камень показывай только тем, кто имеет в своем сердце любовь Христову. Он будет напоминать тебе о чуде Воскресения и о грядущей встрече со Спасителем.

Ангел взлетел прямо в синее небо и пропал. Я вышла на дорогу. Впереди шел человек в красном хитоне. Он обернулся, взмахнул рукой, приветствуя меня, и вдруг исчез. Но мне было довольно. Это был Он, Христос Воскресший. Теперь я готова была ждать новой встречи. С тех пор минуло много лет. Я состарилась. Умерли многие, кто шел когда-то за Богом. Нет, не умерли, а вернулись к Нему. Скоро и мой черед. Много людей побывало у этого камня, всем я рассказывала о Христе и многие, по милосердию Божию, услышали меня.

Елена Чернакова

Чему нас учат дети

Когда мне предложили написать эту статью, я оказался в несколько затруднительном положении. Так... писать для православного журнала, когда ты сам в Церкви без году неделя — несколько самонадеянно. Еще более самонадеянно писать о «проблеме отцов и детей», когда твоему старшему ребенку всего семь и по сути проблемы-то все впереди. Но мне было сказано «ничего страшного, пиши» — и, не претендуя на то, чтобы сказать что-нибудь умное или полезное, я решил попробовать чуть-чуть разобраться в одной известной «детской» теме.

Все знают слова Спасителя о детях, что «таковых есть Царство Небесное» (Мф. 19, 14). И даже — «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Есть толкования, говорящие о том, что именно означают эти слова — «дитя не превозносится, никого не унижает, незлобиво, бесхитростно, ни в счастье не надмевается, ни в скорби не унижается, но всегда совершенно просто» (Бл. Феофилакт Болгарский).

Над приобретением этих качеств должен трудить-

ся каждый христианин, независимо от «стажа» или наличия детей. И возможно от того, что эти слова (и их толкование) весьма известны и как-то очень понятны, они стали для меня абстракцией. Я все время представляю себе каких-то абстрактных детей и идеальные добродетели.

Но ведь Спаситель поставил среди апостолов и обнял не «идеального ребенка» из книжки, а вполне реальное чадо, руки у которого наверняка были грязные, одежда в пыли, а коленки в свежих ссадинах. Ровно такие же

реальные дети, данные Богом, есть и у меня. Со мной рядом живут те, кто может подсказать мне, как войти в Царствие Небесное. Когда я думаю об этом (крайне редко), мне становится не по себе. Чему бы я мог научиться — самому простому, прямо сейчас? И чему они учат меня каждый день? Попробую поразмышлять.

Например — более честному взгляду на самих себя. Нет, я не о том, что дети не врут. Врут, только плохо получается. Но они честны в своем отношении ко мне, и в них, как в зеркале, я вижу свое настоящее лицо, скрытое от взрослых окружающих и от самого себя набором «социальных масок».

Так, когда-то я считал себя спокойным и уравновешенным человеком. Окружающие говорили мне о том же. Разумеется, это был самообман — за спокойствие я принимал равнодушие. Если не придирались, их легко спутать — мы сохраняем спокойствие, когда нас ничто не трогает. Это похоже на боксера, которого мощный соперник ударил изо всех сил — но не попал. И боксер начал бы думать: «Какой был мощный удар! А мне — ничего... Значит, я великолепно держу удар!». Моя старшая дочь разбила эту иллюзию мимходом, просто начав лет с четырех проявлять самостоятельность, тем самым выводя «непробиваемого» меня из душевного равновесия за считанные секунды.

Так, мы все знаем слова святых отцов о самоукорении, терпении и прочем, даже можем «посамоукоряться» и повиниться перед кем-то. Благодаря своим детям теперь я знаю, что этому грош цена. Потому что я делаю это по своей воле, когда сам хочу. Но, Боже мой, о каком самоукорении можно вести

речь, если я злюсь — и все-рвез! — на своего годовалого ребенка, капризничающего и выгибающегося у меня на руках? Именно в этот момент я смотрюсь в самое лучшее, самое честное зеркало на свете. Моя дочь, еще не умеющая разговаривать, легко стирает все «добродетели», которыми я успел размалевать свое «отражение».

Далее, наблюдая за своими детьми, я понял, что совершенно не умею просить. Они — умеют.

Мы, взрослые, умеем договариваться, отстаивать, доказывать, мы — мастера убеждения, «воздействия на людей и приобретения друзей». Мы и просим тоже, но во многом это разыгрывание социальной роли, манипуляция, ритуал. Мы просим друга, зная, что он не откажет; кого-то еще, когда наши просьбы на чем-то основаны, чем-то подкреплены — законом, правом, обычаем.

В отличие от нас, знающих, как просить вежливо и культурно, дети «ноют» и «канючат», они настойчивы до назойливости. И, конечно, нужно учить и правилам вежливости, и терпению (дети нетерпеливы), не перебивать и дослушивать до конца. Это то, что можем мы.

Они же могут показать нам, если мы способны увидеть — как надо просто просить. Ребенок же не умеет играть во взрослые игры. У него, как у вдовы из притчи Спасителя, нет иной возможности получить желаемое от «неправедного судии», кроме как «докучая долгое время». В этом отношении, да простят мне такое сравнение, ребенок ближе всего к положению раба — когда просителю нечего предложить взамен, когда он полностью отда-

ется на милость того, кого просит, потому что тот имеет полное моральное право как удовлетворить просьбу, так и отказать в ней, и даже наказать за нее, когда просящий абсолютно зависим, а тот, кого просят — абсолютно независим. Но ведь именно в таком отношении мы все находимся к Тому, от Которого все и у Которого все! В этом отношении нам наши социальные навыки только мешают...

И последнее, что пришло на ум — верность. До определенного возраста абсолютная, просто не знающая альтернативы. Ребенок может быть совершенно не таким, как в приведенной выше цитате бл. Феофилакта, уж нам-то, родителям, это известно. Увы, он может быть злым, унижать, превозноситься, быть хитрым до невозможности. Но до определенного момента, что бы он не сделал родителям (и они ему) — ребенок всегда сам возвращается к ним, первым подходит после ссор, не мыслит себя без них. «Дитя... будучи наказуемо матерью, не бежит от нее, но, хотя бы и рубище она носила, предпочитает ее царице» — пишет еп. Феофилакт.

Возможно, утрата этой абсолютной верности, появление мысли о том, что можно и без родителей, означает конец детства. Рано или поздно это обязательно случается — а до того момента мы можем воспитывать наших детей и, принимая их всерьез, давать им возможность воспитывать нас.

Антон Калтыгин

Зачем человеку родители,

что значат родители для каждого из нас, что самое ценное в общении с ними?
С такими вопросами мы обратились к людям разных возрастов.

Родители нужны человеку в любом возрасте. Маленький человек просто не может жить без папы и мамы. Это самые первые слова, которые он произносит. Когда мы вырастаем, родители не перестают заботиться о нас. Для них мы всегда маленькие и всегда любимые дети. Без родительской заботы даже взрослому человеку тяжело. А еще с ними можно поговорить по душам, поделиться любой проблемой, и тебя поймут.

Акилина, 19 лет

Неожиданный вопрос. Наверное, для радости, чтобы ощущать себя полноценным человеком, каждому из нас нужны родители в детстве. А когда мы вырастаем, то часто не понимаем друг друга. Дети начинают видеть, что родители несовершенны, а родителям кажется, что дети не ценят их. Из личного опыта знаю, что трудно бывает жить вместе выросшим детям и родителям. А из рассказов моей мамы знаю, что ей, уже не очень молодой женщине, хочется к маме, поговорить с ней по душам, просто рядом побыть. Она говорит, что даже редкие встречи (бабушка живет очень далеко) — это огромное счастье. Мне кажется, что родители могут научить нас любви и терпению, а их опыт поможет делать поменьше ошибок в жизни.

Мария, 24 года

Не представляю жизни без родителей рядом. Не подумайте, я вовсе не «маменькин сынок», уже и в армии отслужил, но точно знаю, что никто, кроме родителей, не понимает меня до конца. Рядом с папой можно заниматься мужским делом, в гараже или на даче, мы понимаем друг друга без слов. Может, в этом нет ничего особенного, но так здорово, когда отец только подумал, что надо сделать, а я уже протягиваю ему нужный инструмент. А мамины булочки мне в армии даже во сне снились!

Александр, 20 лет

Родители нужны, потому что я их люблю, а они меня любят. Когда люди любят, они нужны друг другу! Я не очень организованный человек, вечно что-нибудь забываю, или опаздываю. Мама и особенно папа постоянно напоминают: надо быть собранным, надо много успевать, если хочешь добиться в жизни чего-то важного. Бывает, что я просто слышу папин голос внутри себя, когда опаздываю. Иногда, конечно, сержусь на это, но вообще, родители правы! Так что мне родители нужны для дисциплины.

Дмитрий, 16 лет

Хороший вопрос, но у меня одна мама... Отвечу так: это единственный человек, который сможет поддержать меня и выслушать, я знаю, что она меня не предаст и не получу от неё, как говорится, нож в спину; что этому человеку я могу рассказать всё, включая все мои бредовые мысли, планы и идеи, и я знаю, что она мне не рассмеётся при этом в лицо и не скажет обидного слова. Мама нужна, чтобы иногда давать мне подзатыльники за какие-нибудь проступки и ставить на путь истинный, чтобы не ощущать одиночества в этом огромном мире, чтобы чувствовать, что меня кто-то любит и я кому-то нужна... Это — самое главное, можно еще говорить очень много.

Наталья, 20 лет

Родители дали нам жизнь, за что мы должны быть им безмерно благодарны! Родители растят своих детей, помогают им в познании мира, в «науке жизни». Когда дети становятся достаточно взрослыми, родители выводят их в жизнь, помогают где-то советом, где-то непосредственно действием. Да и приучение детей к любви тоже начинается с родителей. Ведь первые люди, которых любит ребенок — это его мама и папа. Нуждаются в родителях не только малень-

кие дети, но и взрослые люди, ведь не всему они сразу успевают научиться. Нередко им тоже требуется совет опытного, умудренного жизнью человека. И таким человеком для него являются родители. Когда человек, маленький или большой, приходит домой после тяжелого дня, часто он нуждается в дружеской поддержке, в любовной заботе, чтобы успокоиться и отдохнуть. Такую поддержку и заботу оказывают родители.

Родитель — это и старший наставник, и учитель жизни, и лучший друг, и любимый, и любящий человек, и бескорыстный помощник во всех делах!

Наталья, 16 лет

Очень ценю в маме ненавязчивые советы, корректность в общении, ее молитвы за нас. Жизнь наши родители прожили нелегкую, мало кто жил настоящей церковной жизнью, больше может быть было озабоченности материальным, чем духовным. Но не мне их, конечно, судить, Господь — сердцеведец... Поэтому вызывает тревогу, беспокойство и душевную боль мысль об их загробной участи, особенно тех, кто уже не с нами, но это прибавляет старания, как можно больше за них молиться.

Сергей, 45 лет

Родители для меня пример в жизни, особенно в отношениях к друг другу. Они прожили вместе 51 год, а это: безграничное долготерпение, взаимопонимание, уважение, любовь. Очень меня радует, что их до сих пор ценят, уважают и любят окружающие люди: коллеги, родственники, соседи. Нуждаются в их советах и помощи. Очень ценны для меня семейные традиции — подготовка и проведение праздников, семейных вечеров и торжеств. Я всегда с нетерпением жду встречи с родителями...

Наталья, 43 года

Кулич

Тонкий солнечный луч заглянул в небольшую комнатку старого дома. Радостно заплясали пылинки в теплом ярком свете. Луч, играя с ними, заглядывал дальше, в темноватые углы, отразился в зеркале со старинной бронзовой рамой, упал на лики икон, высветив и без того белоснежное кружево на божнице. Солнечный вестник прошелся по белому боку печки, по столу, наконец, скользнул к старой женщине, старательно вымешивающей тесто. Она подняла голову и улыбнулась. Луч ласково прошелся по доброму, в морщинках, лицу, и оно как будто помолодело на мгновение. Торопливый лучик решил замедлить свой бег и задержаться на столе. Он заглядывал в кадку с тестом, осветил муку в чашке, горку яиц, пакетики и плоски с пряностями. Женщина с улыбкой смотрела на него, продол-

жая свое важное дело. Она вдруг ясно увидела себя, этот же стол, такой же солнечный лучик, только она — маленькая девочка, а рядом — её мама.

— Смотри, доченька, наш куличик солнышко поймал, — радостно говорит мама, — будет он таким же золотистым и радостным, легким и теплым.

Девочка слушает маму, а сама старательно, изо всех сил, мешает и мешает тугое тесто. Мама одобрительно кивает головой.

— У твоей прабабки Дарьи лучшие в округе куличи были. Огромные, по ведру, да не один, двенадцать штук всегда пекла, и маленьких, детками их называла, еще без счету было. Большие-то и в монастырь увозили, и для батюшки, для отца дьякона тоже. У них детишек помногу было. Еще один всегда для «мира» выставлялся, когда народ наш сельский в пасхаль-

ный день гулял. У всех и своих куличей много было, а Дарьин до крошечки съедался, уж такой вкусный, духовитый. За селом тогда острог был, туда тоже бабушка всегда большой кулич несла. Они, говорила, несчастные, арестанты-то, и Христос велит сидящих в темницах посещать. Куличи прабабкины, говорят, и храм наш спасли. Один из сидельцев после революции большим начальником стал. Приехали они к нам в село перед самой Пасхой, храм закрыть, батюшку арестовать, как врага народа. А бабка Дарья как раз со своим ведерным куличком шествовала к храму. Остановилась и им кулич и подает. Вспомните, говорит, что за добро добром воздают, не берите греха на душу. Тот начальник, как кулич увидал, даже всплакнул от умиления. Он, говорит, мне скрашивал тяжкие годы, когда я в узилище страдал при проклятом царизме. Съели они кулич и уехали. Так и

уцелел наш храм, один на двести верст остался. А прабабка твоя последние свои куличи в восемьдесят семь лет испекла. Умерла она на девяностом году, тоже на Пасху. Тебя в её честь Дарьей назвали. Ты уж старайся, чтоб не хуже мастерицей стать.

И Дарья старалась. Запоминала мудреные названия пряностей: кардамон, корица, ваниль, да шафран. Узнала, что не всякий изюм годится в кулич, а только солнечно-золотистый, в меру крупный. Придирчиво выбирала муку, просеивала её не торопясь, на два раза, чтобы насытить воздухом. И еще всегда старалась Дарья, чтобы солнечный луч попал в кадушку с тестом, одарил его своим добрым теплом.

Самым же главным, матерью и бабушкой заповеданным условием, было непременно приступать к куличам в Великую Пятницу, рано утром, после причастия Святых Христовых Таин в Великий Четверток. В точности исполняет она это завещание. Вот и сегодня, поднялась еще до света. Много нужно успеть, пока солнце не встало. Принести дров в дом, протопить печь, чтобы жар был именно такой, какой нужен куличам, еще раз обмести стол, придирчиво осмотреть комнату — все ли чисто? После причастия у неё всегда прибавлялось сил, и восьмидесятилетняя Дарья споро передвигалась по дому и двору. Теперь надо расположить на столе все, что надобно для дела. Мешочки с пряностями, тарелка с промытым и обсушенным изюмом, молоко, сливки, яйца, чашка для взбивания, янтарно-желтое топленое масло, маленькая рюмочка с коньяком, холщовый мешочек с мукой, кадушка для теста: все потребное заняло свои привычные места, чтобы в нужный момент оказаться под рукой. Вот и солнечный луч в гости пожаловал, порадовал старуху. Жаль только, что он будет её единственным пасхальным гостем. Конечно, она посидит в трапезной за праздничным столом, и отец настоятель будет нахваливать её куличи. Но в самый день святой Пасхи быть ей дома одной. У всех свои семейные застолья, не до неё. Всегда мечтала Дарья о большой семье, а Господь дал единственную дочь. И то сказать, прожили они со Степаном чуть больше двух лет. Был он ладным, крепким мужиком, лицо чуть скуласто, кое-где тронута оспинами, а ей казалось, что никого на свете нет краше Степушки.

Как сегодня, помнит Дарья тот далекий летний день. Шла она не торопясь, с полными ведрами на коромысле от дальнего колодца, где всегда воду для чая брали. А навстречу — добрый молодец, как в сказке. Попросил водицы испить. Подхватил легко

ведра и вмиг до крыльца донес. Вынесла Дарья ковшик крашенный, зачерпнула воды из ведра, смотрит, как пьет человек, и загадала вдруг: «Если не уронит ни капли, то замуж за него суждено пойти». Ни капельки на землю не упало. Каждый день к вечеру подходил Степан к калитке. Узнала Дарья, что он из дальнего села, к ним на уборочную приехал. Чем-то он отличался от знакомых с детства парней из родного села. В воскресный день рано утром Дарья привычно заходила в ворота родного храма. Во дворе, запрокинув голову, стоял человек. Она слегка удивилась: обычно двор был в это время пустым. Человек обернулся — Степан! Улыбнувшись, подошел ей навстречу: «Люблю в храм рано приходиться». Вместе, быстро заправили лампы, зажгли. А после службы подозвал её к себе отец настоятель:

— Вот какое дело, Дарья, — привычной фразой начал он, — сватает тебя Степан. Потому, как ни отца, ни матери у тебя уж нет, то я тебя, как отец духовный, и благословляю.

Оторопела Дарья поначалу, а потом чистая радость влилась в сердце. Так и быть, по слову батюшки! Никого лучше ей не найти. Поженились они после Рождества. Первую свою Пасху встречали вместе. Взялась Дарья за куличи, а Степан помогать стал. Она сначала сильно удивилась — не мужицкое вроде дело, но спорить с мужем не стала. Помнит, как сейчас, вымешивает он тесто своими большими руками, мнет его в кадушке, а она рядом — то муки подсыплет, то изюму, то пряностей каких. Куличи у них тогда получились чудо — легкие, пышные, с золотыми боками.

На следующую Пасху у них уже дочка народилась, по дому ползала. Опять они вдвоем, споро с куличами управились. Дочка подрастала быстро, радовался Степан, на неё глядя, все любовался, говорил, что красивее их Настеньки никого нет. А вот третью Пасху встречали они с дочкой вдвоем, отца к Троице домой поджидали. После войны жилось трудно, а ему очень хотелось, чтоб у жены и дочки не было ни в чем нужды. Завербовался на север, да и не вернулся с тех заработков, придавило огромным деревом на лесоразработках. Там и похоронили, Дарья даже проститься с ним не смогла. Очень долго горевала она по мужу. Даже теперь нет-нет, да и всколыхнет тяжкое — нет сокола моего ясного, и не сама ему глаза закрыла. Передали ей заработок его, большие по тем временам деньги. Десять лет на эти деньги покупала она к Пасхе все, потребное для куличей. Ни одной копейки, даже в самые тяжкие времена, не истратила ни на что другое. На десятый год, в самую предпасхальную ночь, когда, вынув из

печи последний кулич, утомленная Дарья загнула, увидела она, как идет её Степан в белой рубашке по полю, густо поросшему голубыми цветами. Лицо у него чистое, радостное. Рукой машет ей, а сам всё дальше уходит, туда, где ярко встает солнце. После этого сна унялась сердечная боль, но верность своему единственному хранила она свято.

Жили они с дочкой дружно, Настя во всем помощницей была. Радовалась Дарья — не одной старость доживать. Всю жизнь она при храме работала — в трапезной. Настенька росла умненькой, учить её было непросто на невеликие деньги, но удивительное дело, всегда на дочь находилось все необходимое. Настя выросла, выучилась на врача и уехала в далекую страну. Так далеко, что и представить себе трудно. Редко-редко приезжает в гости, а уж внуков своих и вовсе видела Дарья считанные разы. Правда, вот телефон ей подарила, когда таких и не было ни у кого еще, звонит часто, про здоровье спрашивает. Поначалу сильно скучала Дарья по дочери, даже взроптала было как-то. Отец Николай, старенький уж тогда был, строго её укорил:

— Не гневи Бога, матушка! Всё у Наси хорошо. И Бога не забыла, и тебя любит. Нельзя нам деток, как вещь какую, за запорами держать. У них своя дорога. Когда дитя любят, то их пути не препятствуют. Ты молись за дочку, за внуков и радуйся за них.

Семья у дочки большая получилась, как самой мечталось по молодости. Четыре дочери, а сына единственного Степаном, в честь отца назвала. И хотя от родины живут далеко, а по-русски все чисто говорят, всех дедов-прадедов помнят, и веру родную, православную хранят крепко. В последний раз приезжали они перед Страстной седмицей, прогостили до конца Фоминой недели. Вот уж радость была для бабушки! На Страстной говели все строго, по уставу. А в пятницу, рано утром, пекли они с Настей куличи. Старшие в храм ушли, на службу, потом помогать там остались, а младшенькая, Дашенька, все возле них крутилась. Ей, понятно, тоже дело нашлось — подать, пряности растереть, формы подмазать. Так она радовалась, что настоящие куличи печет, как большая.

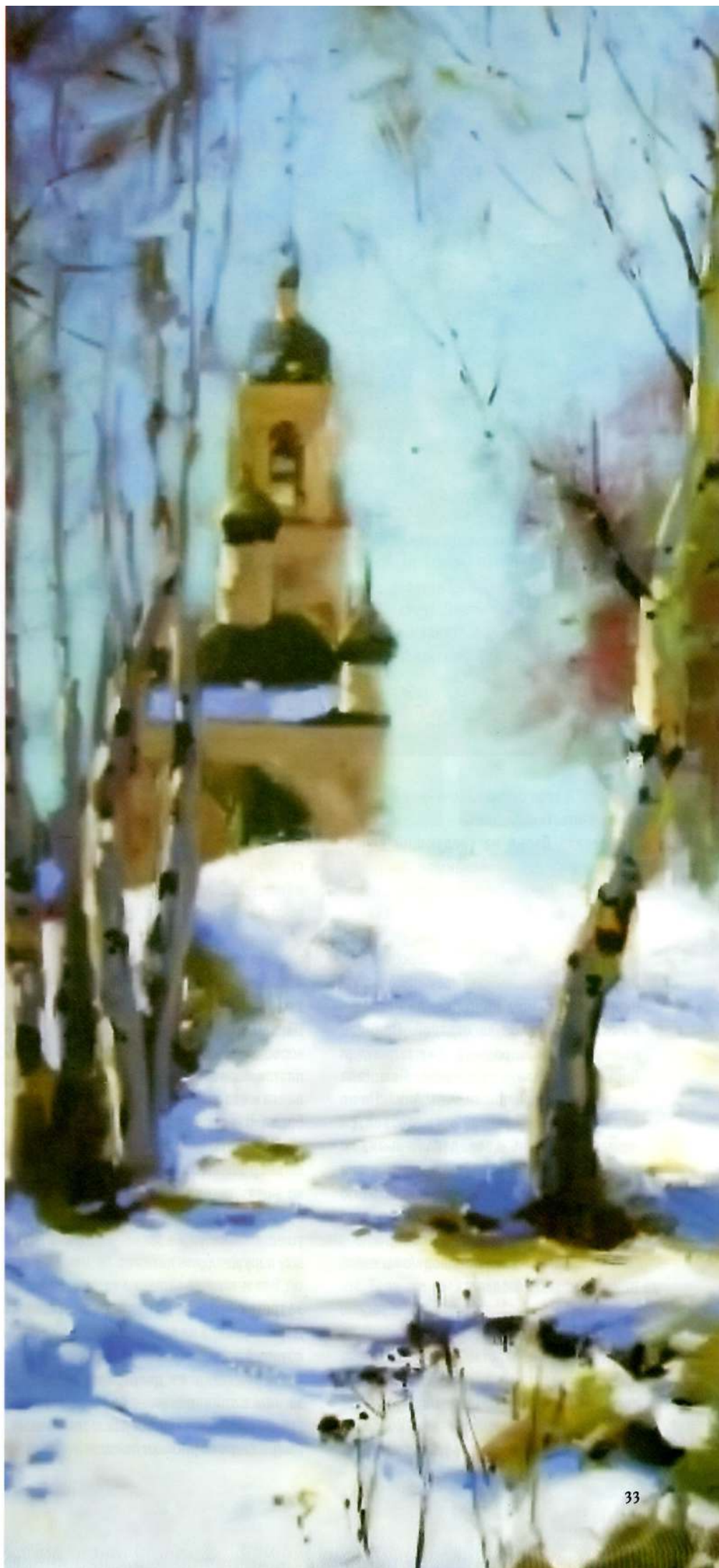
Тянется ниточка воспоминаний, а руки привычно делают свое дело. Не двенадцать, как прабабка, только пять больших куличей осиливает Дарья, да средненьких с десятком. В монастырь, что уже лет десять как принимает насельников и паломников после разрухи безбожия, в родной храм, к архиерею один отвозят, да один для мирского гуляния. На месте острога теперь — детский приют. Дом новый выстроили, веселенький,

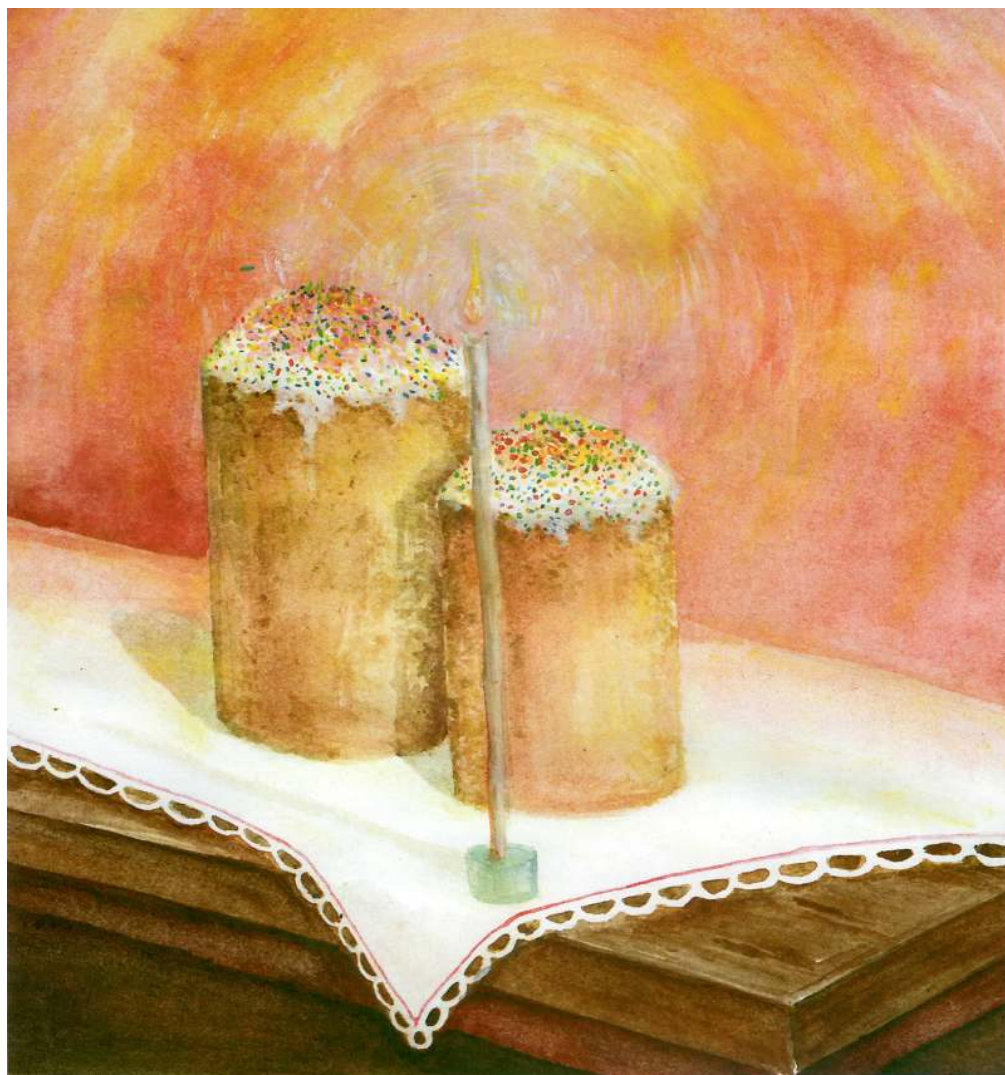
с красной крышей, а все же невесело там брошенным ребятишкам. Им всегда относит Дарья самый лучший кулич. Детки радуются ей, зовут бабушкой. Дарья улыбнулась, представив, как завтра сбегутся они все, облепят её, будут наперебой рассказывать, как провели зиму, как учились, как ждут Пасху. Воспитатели там хорошие, любят ребяток, а все же не родные матери, дом казенный. Жаль Дарье этих деток, жаль и мамаш их непутевых. Куличи поменьше Дарья почти все раздаёт по соседям, себе один оставляет. И одного-то много, но как же Пасха без кулича. В глубине души каждый раз она надеется, что в пасхальный день растворятся двери, в старенький домик вбегут её внуки, а след за ними зайдет и Настя, Анастасия Степановна, доченька. Увы, едва ли дождется она и в этот год такой радости.

Одна кадушка теста вымешана, накрыта чистым белым полотенцем. Надо за вторую браться. Дарья вдруг почувствовала сильную усталость, даже руки задрожали. Неужели совсем немощная стала, не осилю куличей в этот год — подсадовала она на себя. И тут же укорилась — размечталась о всячине, а надо-то молиться, когда таким святым делом занимаешься. Тихонько, размеренно начала «Богородице, дево, радуйся...», потом Иисусову молитву прибавлять стала. Дрожь в руках унялась, сил как будто прибавилось. Можно и за дело приниматься, а то не поспеет. Эх, не те силы, не та ловкость в руках. И то, девятый десяток разменяла она нынешней зимой. Руки двигаются в такт молитве, дело пошло веселее. Опять незаметно подступили воспоминания.

На третий год, как схоронили Степана, стал к ней захаживать Алексей. Через два дома жил, с детства на глазах друг у друга росли. Праздно не заходил, а все по делу: то забор покосившийся увидит, то у баньки крыльцо поправит. Понимала Дарья, что не спроста он ходит, но так сразу прогнать доброго человека жалко было. Да и нужна была мужская рука дому. Она приглядывалась, как управляется он с топором, пилой, молотком и рубанком, втихомолку сама пробовала. Получалось не очень хорошо, но всё же и этому научиться можно. Недели за три до Пасхи, после воскресной службы, позвал её отец Николай:

— Вот какое дело, Дарья... Приехал тут ко мне отец Михаил, друг старинный. Он женский монастырь окормляет, не очень далеко отсюда, километров триста будет. Заболела у них повариха, она знатные куличи пекла, а Пасха-то скоро. Просит он, чтобы поехала ты на месяц хотя к ним, ▶

помогла. Я тебя отпущу. Доченьку можно с собой взять. Поможешь?

Поехала Дарья на следующий вечер. Собрала она все необходимое быстро, а Настенька поездке только радовалась. Никогда она не забудет, какой радостью охватило сердце, когда рано утром, в золотисто-розовых лучах рассветного солнца, увидела монастырь, небольшую церковь на самом пригорке, да несколько белых домиков за оградой. Приняли их с дочкой, как родных. Уже с полудня Дарья хлопотала в трапезной. Помогала ей высокая, молчаливая мать Анна. Но не казалась она ни угрюмой, ни недоброй. Ей же на третий день и поведала Дарья свою заботу, что ходит к ней молодец, а она мужу своему, Степану, память хранить всю жизнь бы хотела. Вечером Анна позвала:

— Пойдем, матушка, поможешь мне.

Они пришли на задний двор. Анна взяла топор, другой Дарье дала:

— Будем столбики для забора тесать, матушка игуменья благословила.

Не торопясь, работала Анна, то и дело приходила на помощь Дарье. Так и повелось — днем они в трапезной управлялись, а по вечерам плотничали. До самой Троицы прожили они с Настей в монастыре.

Куличей в тот год она напекла огромных два десятка, с Божией помощью всё сама осилила. Научила её Анна плотницкому и столярному делу, даже деревянные качели к Троице для сельских ребятишек они с ней поставили. Со слезами прощалась Дарья с монастырем. Так покойно было тут её душе, так тихо на сердце! Но не благословила мать игуменья, сказала, что её дело дочь вырастить, в миру людям помогать. Подарили Дарье перед отъездом набор плотницкого хорошего инструмента, а Анна принесла платок черный, шелковый. Молча повязала его на голову Дарье, надвинув на самые брови. В нем она и поехала.

На следующий день, по приезде, зашел во двор Алексей. Увидел, как Дарья, в низко повязанном черном платке, ловко поправляет покосившуюся калитку, вздохнул и ушел. Больше уж не захаживал. Было Дарье в ту пору двадцать пять лет.

Вот и вторая кадушка готова. Надо бы за третью браться, да опять силы оставили. Дарья присела на лавку. Солнечный лучик, который только что скользил по краю стола, переместился к двери. Она наблюдала за ним с удивлением — не должно бы в это время солнышко туда заглядывать. Дверь широко распахнулась:

— Бабушка! — яркий солнечный свет осветил рыжеватые волосы, тонкую фигурку, светло-карие глаза. Казалось, что это она, Дарья, только совсем юная, много лет назад.

— Ты кто, внученька? — спросила Дарья тихим голосом, боясь спугнуть нечаянное счастье.

— Я внучка твоя, Даша, мама хотела позвонить, предупредить обо мне, а я решила — лучше так приеду. Я насовсем сюда, в Россию, к тебе, вот.

Она протянула бабушке несколько фотографий. Вот Настенька, три её старших дочери, сынок, а вот и младшая, Даша. Как она похожа на бабу Дарью! Видела она её лет восемь назад, маленькую. Даша шагнула в комнату, поставила большой чемодан.

— Бабушка, да что же ты одна с куличами! Ты посиди, а я делать буду!

Ловко замелькало в руках сито. На два раза, чтобы воздухом насытить, просеяла она муку, взбила яйца, уверенно замесила тесто, добавляя то изюму, то еще муки, то пряностей — всё по исстари заведенному порядку, как делала её бабка, прабабка и еще десяток разных пра..., не видных за горизонтом минувших лет, но не забытых в памяти поколений. С удивлением смотрела Дарья старая на Дарью молоденькую. Кто, когда в далекой стране научил её этому исконному делу? Словно угадав её мысли, внучка звонким голосом поведала, что куличи печь учила её мама.

— А ещё, помнишь, мы у тебя гостили? Ты тогда тоже куличи пекла, а я смотрела, всё-всё запоминала, как ты делала, как рассказывала. Даже помогать тебе пыталась, только не очень у меня получалось тогда. Конечно, печки у нас такой днем с огнем не сыщешь, на электрической приспособлялась. На нашем приходе батюшка старенький служит, он мне всегда говорил, что с моими куличами он детство вспоминает, Россию...

Ранним субботним утром любопытный луч вновь заглянул в небольшую комнатку старого дома. Теплый свет осветил янтарно-желтые бока куличей, чинно стоявших на столе. На славу удались куличи, высокие, пышные, духовитые. Луч заскользил дальше, отыскивая хозяйку. Ласково прошелся по доброму, в морщинках, лицу бабушки, словно играя, брызнул светом в желто-карие глаза девушки. Две Дарьи, хлопотавшие в комнате, разом улыбнулись солнечному вестнику. Завтра Пасха!

Елена Попова

Материалы. Металлический гимнастический обруч диаметром 93 см. Джинсовая ткань кремового цвета, 3 м. Синтепон. Хлопок оранжевого и синего цветов, по 0,4 м. Брючная тесьма, 3 м. Ременная лента или стропа, 8 м. Толстое металлическое кольцо. Металлические пряжки, 4 шт.

1. Разрежьте ткань на 2 квадрата $1,5 \times 1,5$ м. Каждый квадрат сложите в четыре раза и с помощью сантиметра и карандаша очертите четверть круга радиусом 65 см. Выкройте 2 круга. Отступив от края 4 см, прочертите линию.

2. Разметьте на одном из кругов прорези для крепления ремней (см. схему).

При слове «гамак» представляется старый тенистый сад, легкий ветерок, приятная полудрема... Впрочем, повесить гамак можно не только на дереве, но и на веранде, и даже в квартире.

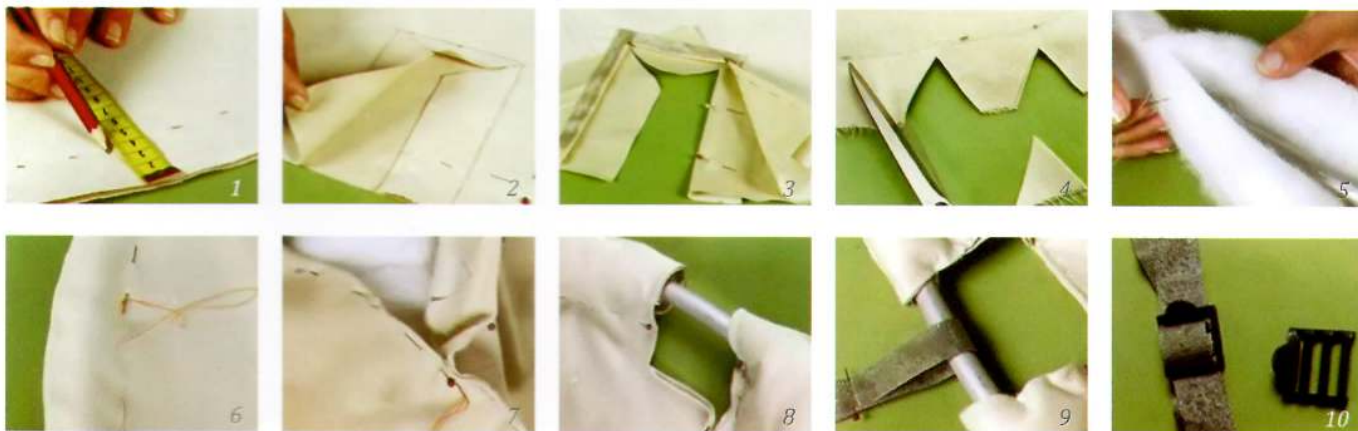
Кресло-гамак

3. Отверните на изнаночную сторону «лепестки» прорези, сверху — для прочности — наметайте отрезки брючной тесьмы. В качестве варианта вместо брючной тесьмы можно предложить дублерин — проклейте эти части круга, а затем только разрежьте ткань. В этом случае она не будет осыпаться по краям. Отстрочите подготовленные прорезы по краю, отступив от него 3–4 мм.

4. Стачайте обе детали 1 чехла на расстоянии 4 см от края. Оставьте в нижней части отверстие такого размера, чтобы в него вошел обруч-каркас. Надсеките ножницами припуск 4 см, сделав край зубчатым. Выверните чехол кресла и отутюжьте его.

на расстоянии 7 см от края, простегайте его как ватный матрас. Прошивайте чехол насквозь несколькими стежками, используя прочную нить, затем закрепляйте ее. Повторяйте стежку через равные промежутки с интервалом 7–8 см — тогда плотная джинсовая ткань будет свободно собираться мягкими складками.

9. Разрежьте ременную ленту или стропу на отрезки длиной 2 м. Оплавьте ее концы над огнем. Обернув обруч концом ленты, сколите ее булавками и прострочите (см. схему). Чтобы зафиксировать ленту, можно поставить в металлоремонт несколько заклепок.

Сложите в четыре раза один из тканевых кругов — линии сгиба будут осями. Два ремня должны располагаться по отношению к осям под углом 45° — для того чтобы сделать метку, перегните четверть круга еще один раз. Проведите от метки к центру прямую и разметьте прорезь (см. схему). Затем — вторую верхнюю прорезь. Чтобы разметить две нижние, измерьте расстояние между концами осей и поделите его на 3 (см. схему). Разместите на ровной поверхности круги, сложенные лицевыми сторонами, — сверху должен находиться размеченный. Обратите внимание на направление долевой нити деталей — оно не должно совпадать, тогда впоследствии ткань будет меньше деформироваться. Сколите детали булавками. Разрежьте намеченные прорезы и «повторите» их на нижнем круге.

5. Нарежьте синтепон полосами и зашейте в него обруч. Лучше взять больше синтепона, чтобы он облегал обруч «с напуском».

6. Вложите обруч в чехол и, сдвигая его внутри к краям, сметайте обе части чехла примерно в 7 см от края.

7. Надсеките и сколите булавками припуски оставленного отверстия, отвернув их на изнанку. Затем сметайте края отверстия и отстрочите их на швейной машине, отступив 3 мм от края. Сдвинув обруч к зашитому краю, сметайте обе части чехла (по аналогии с п. 6).

8. Разрежьте синтепон, 1 оборачивающий обруч в прорезях чехла, сместите его по обручу внутрь чехла и зафиксируйте ниткой. Прорезы по периметру сшейте потайным швом. Закончив их обрабатывать, зафиксируйте чехол на обруче: по наметке,

10. Проденьте свободные концы лент в пряжки, затем — в прочное металлическое кольцо и вновь — в пряжки. Пряжки позволяют регулировать высоту кресла над полом и угол его наклона, а кольцо собирает ленты в единый подвес. Теперь гамак можно подвесить и отрегулировать его высоту.

Кстати, такое кресло можно превратить в колыбель для маленького ребенка. Уложив внутри небольшой матрас и подушки, подвесьте кресло на ремнях равной длины. Если же вы сразу соберетесь сделать «подвесную кровать», выкройте круги немного большего диаметра и проложите между слоями ткани слой синтепона. Чтобы защитить малыша от комаров, сшейте из сетки легкий полог.

По материалам сайта liveinternet.ru

